

Морган Мэтсон

БОЛЬШОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Дж и Раджера

Путешествия
нужны,
чтобы
влюбляться...

От автора бестселлеров «Лето второго шанса»,
«Когда ты ушла», «Мороженое со вкусом лета»

Вместе и навсегда

Морган Мэтсон

**Большое путешествие
Эми и Роджера**

«АСТ»

2010

УДК 821.111(73)
ББК 84(7 Сое) 44

Мэтсон М.

Большое путешествие Эми и Роджера / М. Мэтсон — «АСТ»,
2010 — (Вместе и навсегда)

ISBN 978-5-17-982420-6

Эми Карри убеждена, что ее жизнь – сплошная катастрофа. После несчастного случая, произошедшего с отцом двнушки, ее мама решает, что им нужно переехать из Калифорнии, где все напоминает об этом. Теперь Эми должна перегнать мамину машину в их новый дом в Коннектикуте. Вместе с другом детства Роджером Салливаном ей предстоит путешествие через всю страну, но поездка с человеком, которого Эми не видела уже много лет, не кажется ей веселым развлечением. Да и Роджер явно не настроен на приключения, ведь недавно его бросила подруга. Тем не менее они оказываются вместе в одной машине. Большое путешествие Эми и Роджера начинается...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7 Сое) 44

ISBN 978-5-17-982420-6

© Мэтсон М., 2010

© АСТ, 2010

Содержание

Мисс Калифорния	9
Самая пустынная дорога Америки	39
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Морган Мэтсон
Большое путешествие Эми и Роджера
Роман

Моему отцу

Morgan Matson
Amy & Roger's Epic Detour

* * *

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Folio Literary Management, LLC и Prava I Prevodi International Literary Agency.

Copyright © 2010 by Morgan Matson
© М. Карманова, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Старшая школа Рейвен-Рок

Рейвен-Рок, Калифорния

ИТОГОВЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ УСПЕВАЕМОСТИ

Ученик	
Амелия Э. Карри	Предпоследний год обучения / Учебная программа 500
Предмет	Итоговая оценка
Американская литература	A
История Америки	A
Химия	B-
Французский	B+
Физическое воспитание	B
Театральное искусство (продвинутая программа)	A
Примечания	
Сведения об успеваемости этого ученика будут переданы в Стэнвичскую старшую школу (Стэнвич, Коннектикут). Этой осенью ученик будет зачислен на последний год обучения.	
Пропущенные занятия	
1 – Оправданный пропуск (A) 5 – Оправданный пропуск (D)	Допустимые причины пропусков занятий A – Болезнь B – Организуемое шко- лой мероприятие C – Каникулы D – Смерть родственника E – Другое

Netmail – безопасная сеть!

Входящие: amycurry@netmail.com

От: Хилди Эванс Hildy@ravenrockrealty.com
Кому: Эми Карри amycurry@netmail.com
Тема: Осмотр дома будет в 4
Дата: 1 июня
Время: 10.34

Привет, Эми!

Хочу тебя предупредить, что сегодня, в четыре, я буду показывать дом потенциальному покупателю. Будет хорошо, если в это время ты куда-нибудь уйдешь. Для нас важно, чтобы люди действительно почувствовали это место СВОИМ, а этого легче добиться, если на просмотре будут присутствовать только семья покупателей и я!

Я знаю, что скоро ты уезжаешь к маме в Коннектикут! Так что можешь просто запереть дом, когда уедешь, – у меня есть ключи.

Премного благодарна!
Хилди

От: Мама (pamelacurry@stanwichcollege.edu)
Кому: Аму (amycurry@netmail.com)
Тема: Поездка
Дата: 3 июня
Время: 9.22
Приложение:Маршрут поездки

Здравствуй, Эми!

Привет тебе из Коннектикута! Я рада, что ты успешно сдала экзамены и что «Кандид» имел успех. Я уверена, что ты играла великолепно – как обычно, – так жалею, что не получилось самой этого увидеть!

Поверить не могу, что прошел уже месяц с нашей последней встречи! Кажется, будто намного больше. Надеюсь, что ты хорошо себя ведешь и вежлива с тетей. С ее стороны было очень мило присмотреть за тобой, и я надеюсь, что ты поблагодарила ее.

Уверена, что поездка пройдет хорошо. Я жду вас с Роджером не позже десятого числа – в соответствии с составленным для вас маршрутом, который в приложении. В отелях для вас забронированы номера. Оплатить проживание, еду и бензин ты можешь со своей кредитной карты для непредвиденных расходов.

И, пожалуйста, не забывайте о безопасности! На случай экстренных ситуаций в бардачке ты найдешь контакты службы аварийной помощи на дорогах.

Я знаю, что ты любишь брата всей душой. Он написал мне и передает привет. Там, где он сейчас, запрещены телефонные звонки, но он может пользоваться электронной почтой. Будет очень мило с твоей стороны, если ты тоже ему напишешь.

Мама

Маршрут:

Начальный пункт: Рейвен-Рок, Калифорния

Первая ночевка: Гэллап, Нью-Мексико

Вторая ночевка: Талса, Оклахома

Третья ночевка: Терре-Хот, Индиана

Четвертая ночевка: Акрон, Огайо

Конечный пункт: Стэнвич, Коннектикут

Потом я отвезу Роджера к дому его отца в Филадельфии. Пожалуйста, не забывайте о безопасности!

Мисс Калифорния

«Эврика! (Я нашел!)»

Девиз штата Калифорния

Я сидела на крыльце своего дома и наблюдала, как бежевая «субару» слишком быстро едет по нашему переулку. Это очень глупая ошибка, которую то и дело совершают сотрудники службы доставки. На Рейвен-Кресцент всего три дома, и большинство водителей проезжает мимо, даже не успев понять, что улица кончилась. Безбашенные приятели Чарли постоянно об этом забывали, и им приходилось делать еще один круг, прежде чем наконец подъехать к нашему дому. Но вместо того, чтобы последовать их примеру, «субару» резко остановилась, стоп-сигналы загорелись красным, а затем белым, она двинулась задним ходом и остановилась. Подъездная дорога, ведущая к нашему дому, была такой короткой, что я могла разглядеть наклейки на бампере машины: «МОЙ СЫН БЫЛ СТУДЕНТОМ МЕСЯЦА В РЭНДОЛЬФ ХОЛЛ» и «МОЙ СЫНОК И МОИ БАКСЫ ОТПРАВЯТСЯ В КОЛЛЕДЖ В КОЛОРАДО». В машине сидели двое, они разговаривали, и было заметно, что им неудобно оттого, что застегнутые ремни безопасности мешают повернуться друг к другу.

Посреди лужайки – давно заросшей и неухоженной – уже третий месяц стояла табличка, которую со временем я начала ненавидеть всей душой – так сильно, что иногда это меня даже пугало. Ее установила Хилди, наш риелтор: на табличке нарисована улыбающаяся блондинка, обильно политые лаком волосы тщательно уложены. Рядом с ней надпись «ПРОДАЕТСЯ», а ниже, шрифтом покрупнее: «Добро пожаловать ДОМОЙ».

Как только этот знак появился, я долго ломала голову, пытаюсь понять, по какому принципу тут используются большие буквы, но так и не придумала объяснения. В итоге я пришла к выводу, что эта табличка должна нравиться новоселам. Но не тем, кто собирается навсегда покинуть этот дом. В моей голове отчетливо прозвучал голос мистера Коллинза, нашего преподавателя английского (до сих пор мне не доводилось встречать учителя, наводящего больший ужас). Он кричал на меня:

– Эми Карри! – тут я отчетливо вспомнила его интонацию. – *Никогда* не обрывай предложение на полуслове!

Меня раздражало, что спустя шесть лет мистер Коллинз продолжает действовать мне на нервы, поэтому я мысленно предложила ему заткнуться.

Я и представить не могла, что когда-нибудь увижу табличку «ПРОДАЕТСЯ» на нашей лужайке. Еще три месяца назад моя жизнь казалась мне скучной до неприличия. Мы жили в Рейвен-Роке (это пригород Лос-Анджелеса), мои родители преподавали в Западном колледже (небольшая школа в десяти минутах езды от нашего дома). Дом находился достаточно близко, чтобы можно было легко добраться до работы, но при этом в нашем районе не было слышно шума ежедневных студенческих вечеринок. Отец преподавал историю (Гражданской войны и периода Реконструкции), а мать – английскую литературу (модернизм).

Мой брат-близнец Чарли (он младше меня на три минуты) получил отличную оценку за сочинение на предварительном экзамене. У него и правда талант: однажды ему удалось избежать задержания за хранение запрещенных препаратов, убедив полицейского, что подозрительный пакетик у него в рюкзаке – это редкая смесь калифорнийских специй под названием «гумбольдт», а он сам – студент Кулинарного института Пасадены.

Я только начала набирать популярность в старших классах, и у меня было три свидания с Майклом Янгом (первокурсник, специализацию пока не выбрал). Конечно, не все было идеально – моя лучшая подруга, Джулия Андерсен, в январе переехала во Флориду, – но сейчас, оглядываясь назад, я вижу, что все складывалось вполне чудесно. Тогда я этого просто не понимала. Мне казалось, что моя жизнь никогда не изменится.

Бросив взгляд на странную «субару» и сидящих в ней незнакомцев, которые по-прежнему разговаривали друг с другом, я подумала, что была совершенной идиоткой. В голове вер-

телся один и тот же вопрос: что если я сама навлекла на себя все это уверенностью, что ничто не изменится?

Почти сразу же после того несчастного случая мама решила, что дом надо продать. Нас с Чарли она просто поставила перед фактом. Впрочем, советоваться с Чарли все равно не было никакого смысла. С тех пор он почти всегда был под кайфом. На похоронах люди при виде его сочувственно перешептывались. Они думали, что глаза у него воспаленные и красные от слез. Похоже, что у них совершенно отсутствовало обоняние, так как любой, кто стоял по ветру от Чарли, легко учуял бы настоящую причину. Он то и дело ходил на вечеринки, еще с седьмого класса, но в последний год погрузился в это с головой. А после несчастного случая все стало намного, *намного* хуже, так что Чарли не под кайфом превратился в своего рода мифическое существо вроде снежного человека: все смутно представляют себе, как он выглядит, но никто его никогда не видел.

Мама решила, что переезд решит все наши проблемы.

– Начнем с чистого листа, – сказала она однажды за ужином. – Там, где нас не будут преследовать воспоминания.

И на следующий день приехал агент по продаже недвижимости.

Мы переезжали в Коннектикут, штат, в котором я никогда не была и куда не особо стремилась. Или, как сказал бы мистер Коллинз, где я не особенно стремилась побывать. Там жила моя бабушка, но это она всегда ездила к нам, потому что, понимаете ли, мы-то жили в Южной Калифорнии, а она – в Коннектикуте. Но маме предложили место на кафедре английского языка в Стэнвичском колледже. А неподалеку от него располагалась местная школа, судя по всему, неплохая, и она была уверена, что мне там понравится. Колледж помог ей снять подходящий дом, в который нам и предстояло переехать сразу после окончания нашего предпоследнего учебного года.

По крайней мере, так все планировалось. Но через месяц после того, как на лужайке появилась табличка «ПРОДАЕТСЯ», даже маме уже не удавалось делать вид, что она не замечает происходящего с Чарли. Так что она забрала его из школы и отправила в реабилитационный центр для подростков в Северной Каролине. А потом поехала прямо в Коннектикут, чтобы преподавать на каких-то летних курсах в колледже и вообще «освоиться». По крайней мере, так она объяснила свой отъезд МНЕ. Но я была почти уверена, что она просто хочет быть подальше от меня. Мне казалось, что ей неприятен один мой вид. И я не винила ее за это. В те дни я сама себя с трудом выносила.

Так что я провела последний месяц дома в одиночестве. Только Хилди, риелтор, время от времени приводила потенциальных покупателей (причем обычно как раз тогда, когда я только вышла что из душа), да моя тетя заезжала по пути из Санта-Барбары, чтобы убедиться, что я хорошо питаюсь и не начала заниматься непристойностями. План был простым: я заканчиваю учебный год и направляюсь в Коннектикут. Проблема заключалась в машине.

Те двое в «субару» все еще беседовали, но теперь было похоже, что они отстегнули-таки ремни безопасности и повернулись лицом друг к другу. Я посмотрела на двухместный гараж, в котором теперь была припаркована только одна машина. Это был мамин автомобиль, красный «джип либерти». Он понадобился ей в Коннектикуте, потому что постоянно одалживать древний бабушкин кабриолет стало неудобно. Похоже, бабушка не хотела пропускать свои партии в бридж, и ей не было дела, что маме по-прежнему нужно ездить в Bed, Bath & Beyond¹. Неделию назад, в четверг вечером, мама сказала, что придумала, как решить эту проблему.

В тот день мы выступали с весенней премьерой – с нашим новым мюзиклом под названием «Кандид», и впервые никто не ждал меня в вестибюле после представления. Раньше я всегда отмахивалась от Чарли и родителей, принимая от них букеты цветов и комплименты, а сама

¹ Крупная сеть магазинов в США, Канаде и Мексике, торгующих товарами для дома.

думала лишь о вечеринке для всех участников спектакля. Я не понимала, каково это, когда никто не ждет тебя, чтобы сказать: «Отличное представление!» – не понимала до момента, когда вышла в вестибюль вместе с остальными. Почти сразу же я взяла такси до дома, даже не выясняя, где будет вечеринка. Другие участники спектакля – те, кого три месяца назад я назвала бы самыми близкими друзьями, – смеялись и болтали, пока я собирала вещи и ждала такси около школы. Я постоянно говорила, чтобы меня оставили в покое, и оказалось, что они ко мне прислушались. Ничего удивительного. Я убедилась, что если достаточно упорно отталкивать людей от себя, рано или поздно они уйдут.

Я сидела на кухне, чувствуя, что глаза начинают слезиться из-за наклеенных искусственных ресниц, кожа зудит от густого слоя грима Кунигунды, а в голове все крутится песня «Лучший из миров», и тут зазвонил телефон.

– Привет, милочка, – услышала я, когда подняла трубку. Я посмотрела на часы и поняла, что в Коннектикуте скоро час ночи. – Как дела? – спросила мама, зевнув.

Я подумала, быть может, стоит сказать ей правду. Но поскольку я не говорила об этом уже три месяца, а она ничего не замечала, не было смысла что-то менять сейчас.

– Отлично, – ответила я, и это был мой любимый вариант ответа. Я достала остатки вчерашнего ужина – кусок пиццы «касабланка» – и сунула в микроволновку, чтобы разогреть.

– Тогда послушай, – сказала мама, и я тут же насторожилась. Обычно после этих слов она сообщала что-то неприятное. Она говорила очень быстро – и это тоже выдавало ее. – Я насчет машины.

– Машины?

Я выложила пиццу на тарелку, чтобы она остыла. Сама не заметила, как одна из множества тарелок превратилась в ту самую – живя в одиночестве, я постоянно ела с нее, потом мыла, и так по кругу. Остальная посуда казалась как будто совершенно ненужной.

– Да, – ответила она, подавив очередной зевок. – Я посчитала, сколько будет стоить заказать ее доставку перевозчику, сложила это число со стоимостью твоего билета, ну и вот... – Она сделала паузу. – Боюсь, что мы просто не можем себе это позволить. Дом пока что так и не продан, а содержание твоего брата в том заведении тоже стоит денег...

– О чем ты? – спросила я, не понимая, что она хочет сказать, и откусила небольшой кусок пиццы на пробу.

– Мы не можем оплатить и то и другое, – пояснила она. – А мне нужна машина. Так что я хочу, чтобы кто-то перегнал ее сюда.

Пицца была еще слишком горячей, но я все равно проглотила ее, она обожгла мне горло, а на глаза навернулись слезы.

– Я не могу вести машину, – сказала я, когда снова обрела дар речи.

Я не садилась за руль ни разу после того несчастного случая и не планировала делать это в ближайшее время. Или вообще когда бы то ни было. От одной мысли об этом у меня перехватывало дыхание, и я выговорила с трудом.

– Ты же знаешь, что не могу.

– Ой, да ты и не поведешь! – она говорила слишком живо для человека, который минуту назад зевал. – Поведет сын Мэрилин. Ему все равно нужно ехать на восток, потому что летом он будет жить у своего отца в Филадельфии, так что все складывается очень удачно.

Буквально каждое слово в ее речи мне казалось странным, и я не знала, что ответить, поэтому переспросила:

– Мэрилин?

– Мэрилин Салливан. Впрочем, я думаю, сейчас ее зовут Мэрилин Харпер. Все время забываю, что она вернула девичью фамилию после развода. Да все равно, ты же знаешь мою подругу Мэрилин. Салливаны жили на Холлоуей до развода, а потом она переехала в Паса-

дену. Но вы с Роджером всегда играли вместе, помнишь? Как называлась та игра: «Морковка»? «Свекла»?

– «Картошка», – автоматически ответила я. – А кто такой Роджер?

Она глубоко вздохнула, как делала всегда, когда хотела намекнуть мне, что я испытываю ее терпение.

– Это сын Мэрилин, Роджер Салливан. Ты его точно помнишь.

Мама всегда указывала мне, что именно я должна помнить, как будто это действительно могло помочь мне.

– Нет, не помню.

– Конечно, помнишь! Ты только что сказала, что вы часто играли вместе в ту игру.

– Игру я помню, – ответила я (уже не в первый раз я удивлялась, почему любой разговор с мамой оказывается таким сложным). – Но я не помню никого по имени Роджер. Или, если уж на то пошло, Мэрилин.

– Ну ничего, – сказала она, и было слышно, как она изо всех сил старается, чтобы ее голос звучал жизнерадостно. – Теперь у тебя будет возможность с ним познакомиться. Я составила для вас маршрут. Поездка займет всего пять дней.

Вопросы о том, кто что помнит, резко утратили важность.

– Подожди минутку, – сказала я, опершись на кухонный стол. – Ты хочешь, чтобы я провела четыре дня в машине с кем-то, кого никогда не видела?

– Да видела ты его, говорю тебе, – мама явно хотела закончить разговор побыстрее. – К тому же Мэрилин говорит, что он очень милый мальчик. И оказывает нам большую услугу, так что, пожалуйста, цени это.

– Но, мам, – начала я, – я...

Я не знала, что говорить дальше. Может быть, что-то на тему того, что сейчас просто ненавижу машины. Я могла вытерпеть поездки на школьном автобусе, но когда ехала домой на такси сегодня ночью, мое сердце колотилось так, будто вот-вот выпрыгнет из горла. К тому же я уже привыкла к одиночеству, и такая жизнь мне нравилась. От мысли, что проведу столько времени в машине с незнакомцем – неважно, симпатичный он или нет, – мне казалось, будто я сейчас задохнусь.

– Эми, пожалуйста, не усложняй.

Конечно, я не собиралась все усложнять. С этим прекрасно справлялся Чарли. Я никогда не создавала проблем, и мама, очевидно, рассчитывала на это.

– Ладно, – слабым голосом согласилась я, надеясь, что она догадается, насколько мне все это неприятно.

– Хорошо, – мамин голос снова обрел бодрость. – Как только я забронирую для вас отели, пришлю тебе маршрут по электронной почте. И я заказала для тебя подарок по случаю путешествия. Его должны доставить до твоего отъезда.

Только теперь я поняла, что на самом деле мама не спрашивала моего мнения. Я посмотрела на тарелку с пищей, стоявшую на столе, но у меня пропал аппетит.

– Кстати, как прошло представление? – добавила она, внезапно вспомнив о нем.

И вот представление, как и годовые экзамены, осталось позади, а возле моего дома стояла «субару» с Роджером-который-играл-в-картошку. Всю прошлую неделю я рылась в памяти, чтобы выяснить, знаю ли я какого-нибудь Роджера. И вспомнила соседского мальчишку со светлыми волосами и торчащими в стороны ушами, который сжимал в руках темно-красный мяч-попрыгунчик и пытался убедить нас с Чарли поиграть с ним. Может быть, Чарли вспомнил бы больше деталей: несмотря на его внешкольные развлечения, у него была феноменальная память – но Чарли не было рядом, и спросить было не у кого.

Обе двери «субару» наконец открылись, и из машины выбралась женщина, на вид примерно того же возраста, что и мама, – предположительно, Мэрилин, – а за ней высокий тощий

парень. Он стоял ко мне спиной, пока Мэрилин открывала багажник и доставала из него армейского вида спортивную сумку и рюкзак, плотно набитые вещами. Она поставила их на землю, а затем они обнялись. Парень – по-видимому, Роджер – был по меньшей мере на голову выше матери, и ему пришлось немного присесть, чтобы ее обнять. Я ожидала, что они станут прощаться, но услышала только, как он сказал ей: «Не пропадай!». Мэрилин засмеялась, будто этого и ожидала. Когда они отошли друг от друга, Мэрилин поймала мой взгляд и улыбнулась. Я кивнула ей в ответ, она села в машину, развернулась и выехала из переулка. Роджер стоял и смотрел ей вслед, маша рукой.

Машина исчезла из виду; он взвалил вещи на плечо и пошел к дому. Когда он повернулся ко мне, я удивленно моргнула. Его уши больше не торчали в стороны. Парень, который смотрел на меня, выглядел потрясающе. У него были широкие плечи, светло-каштановые волосы, темные глаза, и он улыбался мне.

В этот момент я поняла, что наша поездка внезапно стала еще сложнее.

*Но будет честно тебя предупредить: все эти песни о Калифорнии
врут.*

The Lucksmiths

Я встала и спустилась вниз по ступенькам, чтобы встретить его на пороге. И тут вдруг поняла, что стою босиком, в старых джинсах и футболке с прошлогоднего мюзикла. Эти вещи стали моей обычной одеждой, и тем утром я надела их автоматически, не предполагая, что этот Роджер может оказаться таким славным.

А он выглядел сногшибательно – это стало еще заметнее, когда парень подошел ближе. У него были большие карие глаза и фантастически длинные ресницы, на открытом дружелюбном лице рассыпью сияли веснушки, и он излучал уверенность в себе. Я почувствовала, как земля уходит из-под ног в его присутствии.

– Привет! – сказал он, бросил сумки на землю и протянул мне руку. Помедлив секунду, я протянула руку в ответ. Последовало быстрое рукопожатие. – Я Роджер Салливан. А ты Эми, да?

Я кивнула.

– Ага, – я кашлянула и сглотнула, чтобы заставить себя ответить. – Ну да, это я. Привет.

Скрестив руки, я опустила глаза, почувствовав, как колотится сердце, и не понимала, почему обычное знакомство превратилось во что-то столь волнительное.

– Ты выглядишь не так, – сказал Роджер, немного помолчав.

Я подняла глаза и обнаружила, что он смотрит на меня изучающе. Что он имел в виду? Не так, как он ожидал? А *чего* он ожидал?

– Не так, как раньше, – пояснил он, будто прочитав мои мысли. – Я помню тебя с детства, тебя и твоего брата. Но твои волосы по-прежнему рыжие.

Я неловко дотронулась до них. Мы с Чарли оба были рыжими, и в детстве нам то и дело указывали на это, будто мы сами не замечали. Со временем волосы Чарли потемнели до каштанового, а мои остались ярко-рыжими. До последнего времени я была не против. Теперь же оказалось, что такой цвет привлекает внимание, а это последнее, чего бы мне хотелось. Я спрятала пряди волос за уши, стараясь при этом не дергать их слишком сильно. Волосы начали выпадать примерно месяц назад, и это меня беспокоило, но я гнала плохие мысли прочь. Я убедила себя, что дело в стрессе из-за экзаменов, нехватке железа и рационе, состоящем в основном из пиццы. Но все же старалась не расчесывать волосы чересчур резкими движениями и надеялась, что это как-нибудь пройдет само.

– Ой, – сказала я, осознав, что Роджер ждет от меня какого-нибудь ответа. Похоже, мне изменили даже самые простые правила вежливости. – Ну да. По-прежнему рыжие. У Чарли-то они потемнели, но он... ну... сейчас не здесь.

Мама никому не рассказывала, что Чарли в реабилитационном центре, и мне тоже велела повторять легенду, которую она придумала на этот случай.

– Он в Северной Каролине, проходит программу дополнительного образования.

Я сжала губы и отвела взгляд, изо всех сил желая, чтобы Роджер ушел, и тогда я наконец смогу зайти в дом, захлопнуть дверь, и оказаться там, где ко мне никто не будет лезть с расспросами. Я отвыкла разговаривать с симпатичными парнями, отвыкла разговаривать с кем бы то ни было вообще.

Сразу после трагедии я была не слишком общительной. Мне не хотелось обсуждать, как я себя чувствую из-за случившегося. Да и мама с Чарли не слишком-то пытались поговорить. Может быть, они обсуждали что-то между собой, но со мной никто из них не заговаривал. Это можно было понять: наверняка они оба считали меня виноватой. Да и я тоже винила себя, поэтому неудивительно, что мы не обсуждали наши переживания, сидя за кухонным столом. Мы ужинали в молчании, причем Чарли либо был дерганным и взмокшим, либо глядел на все тусклыми глазами, тихонько раскачиваясь из стороны в сторону, пока мать сидела, уставившись в тарелку. Мы передавали друг другу тарелки и соль, отрезали по кусочку, жевали и глотали, и было похоже, будто все это отнимает так много внимания и сил, что даже удивительно, как это мы раньше ухитрялись вести хоть какие-то разговоры за ужином. И даже если я иногда собиралась что-то сказать, одного взгляда на пустующий соседний стул хватало, чтобы убить это желание.

Школьные учителя оставили меня в покое и в первый месяц ничего не спрашивали. А потом, мне кажется, просто привыкли к такому положению дел. Похоже, люди могут очень быстро начать думать о тебе по-другому. Казалось, будто они начисто забыли, что когда-то мне было что сказать о Боксерском восстании или «Великом Гэтсби».

Друзья довольно быстро уловили, что я не хочу обсуждать несчастный случай. А когда они это поняли, оказалось, что на самом деле говорить нам вообще не о чем. Через некоторое время мы просто перестали пытаться, и скоро я уже не могла сказать, кто кого избегает.

Единственным исключением была Джулия. Я не сказала ей, что случилось, зная, что, если скажу, она так просто меня не отпустит, не уйдет так легко, как другие. И она действительно не ушла. Конечно, она все узнала и сразу же позвонила мне, но я поставила переадресацию звонков на голосовую почту. Постепенно звонки прекратились, но она начала писать электронные письма. Они приходили раз в несколько дней, с темами вроде «Все в порядке?», «Беспокоюсь о тебе» или «Ради бога, Эми». Скопились в моем ящике и оставались непрочитанными. Я сама не очень понимала, почему так делаю, но мне казалось, если я буду обсуждать это с Джулией, трагедия станет настолько реальной, что я не смогу этого вынести.

Взглянув на Роджера, я вспомнила, как давно не общалась с парнями. Ни разу с ночи после похорон – тогда я пробралась в спальню к Майклу, точно зная, что должно произойти. Когда я вышла оттуда час спустя, то была разочарована, хотя получила, что хотела.

– Это неправда, знаешь ли, – сказал Роджер. Я посмотрела на него, пытаюсь понять, что он имеет в виду. – Твоя футболка, – пояснил он.

Я посмотрела на выцветший синий хлопок, украшенный надписью «СВИСТЕТЬ УМЕЮТ ВСЕ».

– Никогда не умел, – весело сказал Роджер.

– Это такой мюзикл – коротко ответила я.

Он кивнул, воцарилась тишина, и я никак не могла придумать, что сказать дальше.

– Мне нужно забрать вещи, – сообщила я, поворачиваясь к дому, мысленно спрашивая себя, как мы, черт побери, вообще собираемся пережить эти четыре дня.

– Не вопрос. Я пока погружу свои. Тебе помочь?

– Нет, – ответила я, направляясь вверх по лестнице. – Машина открыта.

И скрылась внутри дома, где царили прохлада, темнота и тишина, и где наконец-то осталась одна. Я глубоко вздохнула, слушая тишину, а затем отправилась в кухню.

Мамин подарок по-прежнему лежал на кухонном столе. Его доставили несколько дней назад, но я так и не развернула упаковку. Если я его открою, это будет означать, что поездка на самом деле *случится*. Но теперь уже невозможно было что-либо изменить: во дворе моего дома симпатичный парень запихивал в багажник свои вещи, так что путешествие точно состоится. Я разорвала обертку и вытряхнула из нее книгу. Это был тяжелый блокнот на пружинке с темно-синей обложкой, на которой белым шрифтом в стиле пятидесятых годов была отпечатана надпись «В путь!». А ниже было написано: «Справочник путешественника. Дневник / Альбом / Полезные советы».

Я взяла блокнот в руки и пролистала его. Большинство страниц были пустыми, отдельно имелся раздел «Заметки на память», и еще один – «Листы для записи». Еще там обнаружились викторины, списки вещей и полезные советы. Я захлопнула блокнот и скептически посмотрела на него. И этот «подарок» мама прислала мне по случаю путешествия? Серьезно?

Я швырнула его на стол. Я не поддаюсь обманчивой мысли, будто меня ждет веселое, волнующее приключение. Это поездка, в которую пришлось отправиться из-за чувства долга. Так что не вижу никакой причины стараться запомнить ее навсегда. Люди не покупают сувениры в том аэропорту, где они всего лишь делают пересадку.

Я прошлась по комнатам первого этажа, проверяя, все ли в порядке. И правда, никаких проблем – об этом позаботилась риелтор Хилди. Вся наша мебель еще на своих местах: Хилди не любит продавать пустые дома – но она уже как будто не наша. С момента, когда мама наняла ее, Хилди так активно взялась за дело, что мне было уже сложно представить, каково это – просто жить в своем доме, когда его не пытаются продать другим людям, убедив их, что именно здесь они всегда будут счастливы. Наш дом все сильнее походил на декорации. Слишком много людей бродило по нему, обращая внимание только на площадь помещений и вентиляцию, отравляя дом своими фантазиями о новой мебели и праздновании Рождества. Каждый раз, когда Хилди оканчивала очередной показ и разрешала мне вернуться (обычно я бродила по округе с айподом, из которого раздавалась музыка Сондхайма²), я чувствовала, как наш дом перестает быть нашим. В воздухе витал запах странных духов, вещи были сдвинуты со своих мест, и воспоминания, которые раньше обитали в этих стенах, постепенно исчезали.

Я поднялась в свою комнату, которая больше не выглядела как место, где я провела всю жизнь. Теперь она, скорее, напоминала идеальную комнату девочки-подростка: скрупулезно разложенные стопочки книг, компакт-диски, расставленные по алфавиту, аккуратно сложенная одежда. Это была комната «Эми». Все было аккуратно, упорядоченно, без проявлений чего-то личного – вероятно, как и сама эта придуманная девочка с блестящими волосами, которая жила здесь. Вероятно, эта «Эми» пекла угощения для всяких спортсменов и от всего сердца старалась подбодрить их с трибуны болельщиков. «Эми», наверное, присматривала за милыми детишками соседей по улице, а на школьных фотографиях она радостно улыбалась. Короче, она была именно тем подростком, которого хотят видеть родители. Наверное, она смеялась бы и флиртовала с милым парнем, подъехавшим к ее дому, вместо того чтобы позорно убегать, не сумев поддержать элементарный разговор. И, по всей видимости, «Эми» в последнее время никого не убивала.

Мой взгляд упал на тумбочку, на которой не было ничего, кроме будильника и тонкой книги в мягкой обложке – она называлась «Еда, бензин и кров». Это была любимая книга отца, и он подарил мне на Рождество потрепанный экземпляр. Тогда, развернув подарок, я почувствовала разочарование: я-то надеялась на новый мобильник. И, наверное, ему было совер-

² Стивен Сондхайм – американский композитор, драматург, поэт, автор многих бродвейских мюзиклов.

шенно понятно, что я не в восторге от подарка. Подобные мысли – о том, не обидела ли я его, – то и дело приходили мне в голову в три часа ночи, обеспечивая бессонницу.

Когда он только подарил мне книгу, я не продвинулась дальше первой страницы, прочитав лишь дарственную надпись: «Моей Эми – эта книга прошла со мной множество дорог. Надеюсь, она понравится тебе так же, как и мне. С любовью, Бенджамин Карри (твой отец)». Но потом я оставила ее на тумбочке и не открывала, пока снова не принялась за чтение несколько недель назад. С каждой страницей я удивлялась все сильнее и сильнее: ну почему я не могла сделать этого раньше? Я дочитала до шестидесяти первой страницы и остановилась. На шестидесяти второй была вложена карточка с заметкой, написанной рукой моего отца, – что-то о мини-страх Линкольна, фрагмент исследования, которое он проводил для своей работы. Но она была просто вложена в книгу как закладка. Он дошел до шестидесяти первой страницы, когда читал ее в последний раз, и почему-то я не могла заставить себя перевернуть страницу и двинуться дальше.

...не попрощавшись и не оставив записки. Уолтер сложил в бумажный мешок запасную одежду, книгу Джона Д. Макдональда³ и открытку с изображением Центрального парка, которую прислала ему Нэнси. На ней был написан адрес, адрес в Нью-Йорке, и именно туда он направлялся.

У него было семьдесят шесть долларов его собственных и пятьдесят пять долларов его отца, которые он прихватил из кухонного шкафа тем утром, пока отец брился. Он догадался, что отсутствие денег рано или поздно заметят – но намного позже, чем его собственное отсутствие.

Он подошел к машине, которая стала его ровно сорок восемь часов назад, после того, как огласили завещание деда. Он собирался просто выбраться на шоссе и ехать под громкую музыку туда, где его буде ждать Нэнси.

Шанс совершить подобное путешествие выпадает лишь однажды, подумал он, вставляя в замок зажигания ключ с брелоком в виде игровой кости, которая повернулась к нему гранью с двумя точками. Совершать такое путешествие нужно, когда ты молод и у тебя хватает сил, чтобы ехать всю ночь, и неважно, в каком мотеле ты остановишься, и даже неважно, куда ты в итоге приедешь. Вот о чем он думал каждый день, работая в музее, окруженный экспонатами с аккуратными ярлыками, вот с какими мыслями молодые смельчаки выходят на путь своих духовных исканий. Он только что понял, что все это принадлежит ему. Он завел машину, нажал на газ и отправился прочь, пообещав себе не смотреть назад, но притормозил тут же, как только увидел отражение своих глаз в зеркале заднего вида, заметив...

Я до сих пор понятия не имела, что же увидел Уолтер. И не была уверена, что хочу узнать. Но я не собиралась оставлять книгу здесь, поэтому подняла ее и аккуратно запихнула в сумку.

³ Джон Данн Макдональд – американский писатель второй половины двадцатого века, автор детективных, научно-фантастических и мистических произведений.

Последний раз окинув взглядом комнату, я выключила свет и выкатила в зал свой чемодан на колесиках. Пожалуй, то, что я больше никогда не увижу эту комнату, стало для меня облегчением. Весь прошлый месяц я почти не заходила в нее, ночевала на диване внизу, а сюда поднималась, только чтобы переодеться. Комната слишком сильно напоминала мне о жизни *до*. И по-прежнему казалось совершенно бессмысленным, что все в моей жизни могло измениться, что все превратилось в *после*, но фотографии на стенах и хлам в глубине шкафа остались на своих местах. А после того, как Хилди превратила комнату в место обитания «Эми», она выглядела так, будто принадлежала той версии меня, которой я вообще никогда не была.

Я спустилась вниз, в гостиную, пройдя мимо комнаты Чарли, которая находилась рядом с моей. Дверь была заперта с того самого дня, как мама буквально выволокла его оттуда месяц назад и захлопнула ее за собой. Я открыла дверь в спальню родителей и замерла на пороге. Хотя все выглядело аккуратно как никогда, это была все та же комната, с тщательно застеленной двуспальной кроватью и стопками книг на обеих тумбочках. Я заметила, что книги на стороне отца – толстые исторические биографии, чередующиеся с мистикой в мягких обложках, – уже покрыты пылью. Я быстро отвела взгляд, стараясь дышать глубже, чувствуя себя так, будто нырнула и у меня уже кончается воздух, а я все никак не могу всплыть. Дверь папиного стенного шкафа была приоткрыта, и я заметила вешалку, которую Чарли соорудил для него на уроке труда в пятом классе. Папины галстуки все еще висели на ней, и узлы на них были завязаны заранее – чтобы экономить время по утрам.

Изо всех сил пытаюсь подавить нарастающую панику, я подошла к шкафу мамы. Повинуясь внезапному порыву, открыла верхний ящик – с чулками и носками – и просунула руку к задней стенке. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы найти искомое. В тот момент, когда мои пальцы обхватили что-то пластиковое и гладкое на ощупь, я поняла, что Чарли говорил правду. Я вытащила предмет из ящика и увидела, что это старое пластиковое яйцо, на боку которого виднелась облупившаяся надпись L'EGGS⁴. Я с треском открыла упаковку: яйцо было набито деньгами, как он и обещал.

Чарли сказал мне, что нашел этот тайник как-то раз в прошлом году – я не хотела выяснять, при каких обстоятельствах. Но в то же время подумала, в каком отчаянии он, должно быть, находился, если добрался до денег, которые мама прятала в ящике с носками. Примерно в то время я начала замечать, как далеко он на самом деле зашел. Чарли сказал мне, что запускал руку в тайник только в самых крайних случаях и всегда аккуратно возмещал позаимствованную сумму, иначе мама могла бы заметить пропажу. Там всегда было спрятано шестьсот долларов, сотнями и полтинниками. Может быть, под конец Чарли был уже не в себе и ему стало все равно, или просто он не успел вернуть деньги на место до того, как оказался в самолете, летящем в Северную Каролину, но сейчас в тайнике было только четыреста долларов.

Я услышала, как внизу хлопнула входная дверь, и подумала, что Роджер, наверное, не понимает, почему мне нужно так много времени, чтобы собрать вещи. Сосредоточившись на том, что должна сделать, я спрятала деньги в карман, закрыла яйцо и положила его на место. Конечно я пыталась оправдать себя: нельзя доверять ни тем, кто хочет купить дом, ни этим сомнительным риелторам, так что я просто помогаю своей матери сберечь ценности – но я знала, что на самом деле забрала деньги вовсе не по этой причине. Так почему я взяла их?

Я отогнала эту мысль прочь, поскорей вышла из комнаты, закрыв за собой дверь, и стащила чемодан вниз по лестнице. Оказавшись в кухне, я увидела, что Роджер внимательно рассматривает холодильник. Услышав грохот спускаемого чемодана, он поднял на меня взгляд.

– Все готово? – спросил он.

– Агась, – ответила я и сама удивилась, что вдруг заговорила по-деревенски.

⁴ Американская фирма L'EGGS во второй половине XX века продавала колготки в упаковке в виде большого пластикового яйца.

Я поволокла чемодан к двери и оглянулась на Роджера, который все еще стоял в кухне. Он сосредоточенно разглядывал холодильник, так что мне представился случай как следует рассмотреть его самого. Он был высокого роста, и казалось, что кухня, которая в последнее время была пустой и тихой, мала для него. Мама говорила мне, что ему девятнадцать и что он только что окончил первый курс. Но в его внешности было что-то такое, из-за чего он выглядел старше или что заставляло меня чувствовать себя младше. Может быть, дело в его рукопожатии.

– Обалдеть, – указал Роджер на холодильник.

– Ну да, – откликнулась я, возвращаясь на кухню. Я знала, что речь идет о магнитах. Холодильник был весь покрыт ими, они были из многих городов, стран, с разных континентов. Родители начали собирать их во время медового месяца и продолжали до недавнего времени. Несколько месяцев назад мама выступала на конференции в Монтане и привезла магнит в виде квадрата небесно-голубого цвета с надписью «СТРАНА БЕСКРАЙНЕГО НЕБА».

– Мои родители... – я запнулась, почувствовав, как странно звучат эти слова.

Слова, которые я всегда считала совершенно обыкновенными, приносили теперь нестерпимую боль. Я увидела, что Роджер пристально смотрит на холодильник, делая вид, что ничего не заметил.

– Они, ну, они коллекционировали их, – продолжила я после небольшой паузы. – Привозили из всех мест, где побывали.

– Ух ты, – сказал он, отступив назад, чтобы охватить взглядом весь холодильник, будто рассматривал картину в музее. – Вот это да. А я никогда нигде не был.

– Правда? – спросила я удивленно.

– Правда, – ответил он, все еще глядя на холодильник. – Только в Калифорнии и Колорадо. Довольно уныло, не так ли?

– Да нет, – возразила я. – Я почти не выбиралась из Калифорнии.

Это была тайна, о которой не знал никто, кроме Джулии. Правда, однажды мы провели чрезвычайно сырое лето в Англии, в Котсуолдсе, пока мама собирала материал для книги. Но в Штатах я не была нигде, кроме Калифорнии. Стоило мне начать разговор об этом, как мама всегда отвечала, что другими штатами мы займемся после того, как посмотрим все заслуживающее внимания в Калифорнии.

– Ты тоже? – Роджер улыбнулся мне будто машинально, и я опустила взгляд. – Ну, это несколько утешает. Я оправдываю себя тем, что Калифорния такая большая, верно? Было бы хуже, если бы я никогда не выбирался за пределы Нью-Джерси или типа того.

– Я думала... – начала я и тут же пожалела, что вообще заговорила. Ведь не хотела же знать ответ, так зачем спросила? Но оставить это без внимания было уже нельзя, так что пришлось откашляться и продолжить: – Ну, то есть мне казалось, мама говорила, что твой отец живет в Филадельфии. Вроде как мы поэтому туда и едем.

– Живет, – ответил Роджер. – Но я никогда там раньше не бывал. Он приезжает сюда пару раз в год, по делам.

– Ой, – только и ответила я. Роджер продолжал рассматривать холодильник. Я заметила, как изменилось его лицо, и поняла, что ему на глаза попалось объявление о похоронах, прилепленное в левом нижнем углу магнитом с надписью «ИТАКА ГОЛОВОКРУЖИТЕЛЬНА!». Объявление, на которое я старалась не смотреть, всякий раз открывая холодильник, при этом снять его просто не поднималась рука. Оно было напечатано на бежевом картоне, на переднем плане размещалось фото отца – кто-то заснял его, когда он читал лекцию. Фото было черно-белое, но я точно знала, что отец надел галстук, который я подарила ему на прошлый День отца, тот, на котором были нарисованы маленькие собачки. Его руки были испачканы мелом, он смотрел мимо камеры и смеялся. Под фотографией напечатана подпись: «Бенджамин Карри. Хорошо прожитая жизнь».

Роджер окинул меня взглядом. И я поняла, что он вот-вот скажет фразу, различные варианты которой я выслушиваю последние три месяца. Как ему жаль. Какая это была трагедия. Как он не знает, что сказать. А я просто не хотела всего этого слышать. Слова ничему не помогут, но вряд ли он смог бы это понять.

– Нам пора идти, – напомнила я, прежде чем он успел заговорить, и схватила чемодан за ручку, но, до того как я успела его поднять, Роджер оказался рядом и с легкостью подхватил его.

– Я возьму, – сказал Роджер и потащил чемодан к входной двери. – Подходи к машине.

Хлопнула дверь, и я осмотрела кухню в поисках еще какого-нибудь способа оттянуть момент, когда мы окажемся наедине, в одной машине, на четыре дня. Я вынула тарелку, которую оставила сохнуть в пустой посудомоечной машине, поставила ее в шкаф, закрыла дверцу и уже собиралась уйти, как увидела лежащий на столе блокнот путешественника.

Я могла бы просто оставить его там, но все-таки не сделала этого, а взяла его в руки и, неожиданно для себя самой, забрала фото, которое держалось на магните из Итаки, сунув его в раздел для записок. Потом выключила свет в кухне, вышла из дома и заперла за собой дверь.

Блокнот путешественника

В путь!

Твое путешествие начинается...

Поздравляю! Ты отправляешься в ПУТЕШЕСТВИЕ!

Неважно, какой вид транспорта ты выберешь – самолет, автомобиль, поезд или даже велосипед, – ты в любом случае встретишь интересных людей, увидишь новые места и вернешься домой другим человеком! Советы, инструкции и списки, которые ты найдешь в этой книге, помогут тебе организовать путешествие и сохранить яркие моменты!

Но помни: самые удивительные события, которые случаются в пути, никогда нельзя запланировать заранее. Всегда есть элемент НЕОЖИДАННОСТИ! Будь открыт новому, и это еще больше обогатит твое путешествие. В конце концов, никогда не знаешь, куда заведет дорога!

СЧАСТЛИВОГО ПУТИ!

Блокнот путешественника

Где я побывала.

Штат № 1: Калифорния – «Золотой штат».

Девиз: «Эврика! (Я нашел!)».

Размер: ОГРОМНЫЙ.

Интересные факты: На самом деле «Калифорния» переводится как «жаркая печь». Кто бы мог подумать? Спасибо инфо-киоску на стоянке.

Заметки: Калифорния настолько большая, что можно дожить до семнадцати лет, вообще не покидая ее пределов. С Род-Айлендом такой номер, наверное, не пройдет.

*Калифорния – рай, дивный сад, благодать: жить в
блаженстве и песенки петь.*

*Но поверишь ли, нет, здесь не так уж тепло, если
нечем в кармане звенеть.*

Вуди Гатри

Я забралась на пассажирское сиденье и захлопнула дверь. Роджер уже расположился на водительском и теперь и пытался устроиться поудобнее – кресло поднималось, опускалось, затем двигалось взад-вперед. Наконец он, похоже, нашел удобное положение и повернулся ко мне.

– Готова? – спросил водитель, барабанив пальцами по рулю и улыбаясь мне.

– Вот, – я достала из сумки расписанный матерью маршрут и сунула ему. Там был список городов, в которых мы должны были остановиться, координаты для навигатора и список отелей, где забронированы номера – две отдельные комнаты в каждом. Еще она посчитала, сколько миль займет каждый этап путешествия и сколько часов нам примерно ехать. Ей не удалось бы найти более унылые города, даже если бы она старалась специально: Гэллап (Нью-Мексико), Талса (Оклахома), Терре-Хот (Индиана), Акрон (Огайо).

– Моя мама все распланировала, – сказала я, глубоко вдохнув, защелкнув ремень безопасности и только затем выдохнув. Сердце колотилось в груди, а мы ведь даже еще не тронулись, так что дела шли не самым лучшим образом.

– У тебя есть GPS? – спросил он, просматривая мамин план.

Я видела, как по мере изучения маршрута менялось выражение его лица – наверное, он дочитал до Талсы.

– Нет, – ответила я. На той машине был навигатор, но той машины больше нет, и я не хочу распространяться об этом и объяснять, почему. – Но сама я – неплохой штурман, – с этими словами я просунула руку на заднее сиденье и вытащила оттуда дорожный атлас. – К тому же она распечатала маршрут до каждого места.

– Угу, – сказал Роджер, все еще хмурясь над планом поездки. – А ты не знаешь, почему она запланировала именно такой маршрут?

Я покачала головой.

– Наверное, хотела сократить путь.

– Ясно.

Он снова пролистал все страницы, просмотрел карты и списки забронированных отелей, и мне показалось, что он разочарован.

– Что ж, похоже, это действительно так.

– Ты же знаешь... – начала я. Мне нужно было выяснить, что он знает, не сказав при этом слишком много. – Ты же знаешь, что я не вожу машину, да?

– Мама мне так и сказала, – сказала Роджер, пристраивая пачку бумаг посередине приборной панели. – А права у тебя есть?

Я потрясенно посмотрела на него, некоторое время пытаюсь понять по выражению его лица, искренне ли он спрашивает. Похоже, что да. Мое сердце забилося быстрее, но на этот раз – от облегчения. *Он ничего не знает.* Он не в курсе деталей. Он понятия не имеет, что я сделала. Я почувствовала себя свободнее, будто стало легче дышать.

– Нет, – медленно выговорила я. – У меня есть права. Но сейчас... сейчас я не сажусь за руль.

Это было бестолковое объяснение, но сходу я не смогла придумать ничего лучше.

– Ну и зря, – сказал он. – А я люблю ездить за рулем.

Когда-то и мне нравилось. Когда-то я любила водить больше всего на свете. За рулем я приводила мысли в порядок и слушала музыку – дорожная психотерапия. Я пожала плечами, надеясь, что этот жест выглядит непринужденно.

– Может, это просто не мое.

– Ладно, хорошо, – согласился Роджер и протянул мне стопку бумаг.

Согласно инструкции, мы должны были прибыть в первую точку нашего путешествия – Гэллап – через девять часов.

– Поехали? – еще раз спросил он, но на этот раз энтузиазма в его голосе было куда меньше.

Я кивнула.

Передав Роджеру ключи, я на секунду закрыла глаза, пытаюсь убедить себя, что все будет хорошо. А когда открыла их снова, увидела в зеркало заднего вида, как закрывается дверь гаража. Бросив прощальный взгляд на дом, я с грустью подумала, что, когда в следующий раз увижу его, это будет уже не мой дом. Если, конечно, я вообще еще раз когда-нибудь его увижу. Я уставилась в лобовое стекло, заставляя себя дышать спокойно, а за окном проносились соседские дома. Следующие четыре дня мне предстояло провести рядом с парнем, которого я едва знаю. С очень симпатичным парнем. Мы будем рядом двадцать четыре часа в сутки, и это большая проблема: я знала, что при недолгом общении могу производить впечатление вполне нормального человека. Не зря же я была актрисой. Но тот, кто присмотрится поближе, неизбежно заметит, что все настолько не в порядке, что даже смешно. И я беспокоилась, что, если мы проведем вместе с Роджером достаточно много времени, он тоже это поймет.

Дальше мы поехали по центральной улице. Роджер прибавил скорость, чтобы вписаться в поток, и я никак не могла перестать вздрагивать и упираться ногой в пол, будто нажимая на тормоз, всякий раз, когда мне казалось, что мы оказались слишком близко к впереди едущей машине. А автомобили на соседней полосе и перекрестке буквально пролетали мимо. Зачем им всем ехать *так быстро*?

Машина позади нас засигналила так громко, что я подпрыгнула на месте. Роджер внимательно посмотрел на меня и включил поворотник, чтобы свернуть направо, на Кампус-драйв.

– Все нормально? – спросил он.

– Все отлично, – кивнула я, уставившись на мигающую зеленую стрелку. Меня охватила паника, когда я поняла, что он собирается выехать на скоростное шоссе. – Знаешь что, быстрее будет, если ты поедешь через Альварез.

– Разве? – спросил он. – Но мы просто можем срезать...

– Нет, – сказала я громче, чем собиралась. – Если мы просто поедем по прямой вот тут, ты сможешь выехать сразу на второе шоссе. А это быстрее.

Загорелся зеленый, и Роджер, на мгновение задумавшись, выключил поворотник и поехал прямо.

– Ладно, – согласился он.

Я сосредоточенно смотрела в окно, глубоко дыша и пытаюсь успокоиться, стараясь не думать о том, что едва не увидела снова тот перекресток у университета. Понятия не имею, был ли он до сих пор перекрыт знаками и заградительной лентой или все эти ограждения уже давно отправились в мусорку и превратились в материал для птичьих гнезд. Выяснить не хотелось. Хотелось просто как можно быстрее оказаться подальше оттуда.

Мы подъезжали все ближе к скоростному шоссе, и меня внезапно посетила мысль – вероятно, немного запоздавшая, – что сейчас я, быть может, вижу свой город в последний раз. Рейвен-Рок больше не будет мне домом. Раньше я никогда об этом даже не задумывалась. Он был просто местом, где я жила, немного скучным, немного тесным. Но все-таки моим. Я

видела, как в окне с пугающей скоростью проносятся вехи моей жизни. Кафе Fosters Freeze⁵, куда мы с Чарли бегали за коктейлями, Jamba Juice⁶, где он однажды, когда нам было по двенадцать, поставил меня в идиотское положение. Он рассказал мне, что если изо всех сил заорать «ДЖАМБА!», то все работники кафе в ответ заорут «ДЖУС!». Стоит ли говорить, что он соврал.

Я повернулась на сиденье, чтобы охватить взглядом как можно больше – пока это еще возможно, – но Роджер уже сворачивал на автомагистраль. Слава богу, он никак не прокомментировал наш неочевидный маршрут. В боковом зеркале я видела, как Рейвен-Рок удаляется, превращаясь в одну из точек на карте, просто очередной безымянный город, попавшийся на пути. Я все смотрела и смотрела, как знакомые виды исчезают вдаль, пока наконец они не исчезли совсем.

Минут двадцать мы ехали молча. Как только мы покинули улицы Рейвен-Рока, мне стало легче переносить поездку в машине. На шоссе не было ни светофоров, ни людей, которые перебежали бы на красный свет, так что я могла немного расслабиться.

Похоже, Роджер неплохо умел водить, и управлялся с маминой машиной лучше, чем я ожидала. Я то и дело на него поглядывала. Никогда прежде мне не бросалось в глаза, какие маленькие у этой машины передние сиденья. Из-за этого мы с Роджером были ближе друг к другу, чем я рассчитывала. Мне приходилось сидеть на самом краю кресла, вжавшись в дверь, чтобы не упираться локтями в приборную панель или еще во что-нибудь. Казалось, что Роджер занимает очень много места: он отодвинул кресло далеко назад и вытянул длинные ноги в синих джинсах. Он вел машину, одной рукой держа руль, а другую высунув в приоткрытое окно. Этот был совсем не в моем стиле: оказавшись за рулем, я всегда ставила руки «на десять часов и на два часа» – точно как учили в автошколе. Но он контролировал машину, не превышал скорость и при этом ехал достаточно быстро, чтобы оставаться в общем потоке. Мы уверенно ехали вперед – в противоположную сторону машины тащились вплотную друг к другу: непонятно, из-за чего в полдень четверга возник такой затор.

– Эй, – сказал Роджер, нарушив тишину, и постучал по стеклу с водительской стороны. Я посмотрела в его окно и увидела знакомую желтую стрелку с красной надписью на другой стороне шоссе. – Ну как? Не хочешь перекусить?

– Я буду скучать по ним, – сказал Роджер, вытаскивая картошку фри из белого бумажного пакета, стоявшего на столике между нами. – Я вообще люблю фастфуд, но ничто не сравнится с In-N-Out⁷.

Я аккуратно откусила свой бургер и согласно кивнула. Мы сидели в нашем «либерти» сзади, там, где оставалось место для хранения всяческих вещей. Открыв дверь багажника, мы устроились под ней, свесив ноги. Солнце пригревало все жарче, и из-за яркого света мне было сложно смотреть прямо на Роджера. Мои солнцезащитные очки разбились три месяца назад, и с тех пор я научилась смотреть искоса. Автомобили проносились по шоссе справа от нас, а слева сотрудница In-N-Out с кем-то разговаривала по телефону – очень громко, похоже, ссорилась со своим парнем.

⁵ Сеть фастфуда в Калифорнии, известная прежде всего холодным молоком и молочными коктейлями.

⁶ Сеть кафе в США, которая продает свежие соки, смузи и фруктовые салаты.

⁷ Сеть заведений быстрого питания, распространенная на юго-западе США.

Мы взяли еду с собой, но когда Роджер попытался откусить бургер, одновременно выезжая со стоянки, стало ясно, что нужно сначала поесть и только потом ехать, так что он припарковался снова. Я и не подозревала, пока Роджер не рассказал мне, что сеть In-N-Out есть только на Западном побережье. Очевидно, в Коннектикуте ее нет, потому что этот штат – негостеприимная пустыня.

– Это печально, – сказал Роджер, встряхнув бумажный пакет. Мы уже давно разделились со своими порциями картошки, но несколько маленьких ломтиков еще болтались на дне. – Потому что я скучал по ним весь год, пока учился там. Ближайший к Колорадо ресторан – в Юте, а ездить в Юту за бургером немного далековато. Но, в принципе, возможно. Вот только машины у меня нет.

Я отпила молочный коктейль, выгадав тем самым немного времени на обдумывание ответа.

– Колорадо? – наконец спросила я, вспомнив тот стикер на бампере. – Ты туда и едешь? Он кивнул.

– Колледж Колорадо, в Колорадо-Спрингс. Хорошее место. К тому же у меня там полно друзей... – Мне показалось, что, когда он это сказал, его выражение лица изменилось, но лишь на мгновение. – Вообще-то я собирался остаться здесь на все лето. Но после выпускных экзаменов отец настоял, чтобы я провел лето с ним в Филли⁸.

– Твой отец там живет? – спросив, я сразу же пожалела о сказанном.

Во-первых, он уже сказал мне это, когда мы разговаривали в кухне. Во-вторых, я и так знала. В-третьих, я подумала, что четыре дня покажутся мне очень долгими, если я не перестану вести себя как последняя дура.

Но даже если Роджер и заметил мой промах, то не подал виду.

– Ага, – ответил он, вытряхнув из пакета еще несколько кусочков картошки. – Он живет там со своей новой женой и ее сыном. Он чуть с ума не сошел, когда увидел мои оценки, и сказал, что я должен немедленно приехать, чтобы он мог «научить меня хоть какой-то дисциплине». Неплохой способ провести лето, да? Я там никого не знаю. И что я вообще буду делать в Филадельфии?

– Есть чизстейки⁹? – неожиданно для себя самой спросила я.

Роджер засмеялся впервые за все время и мне показалось, будто громкий смех отражается от стен и заполняет все пространство вокруг.

– Точно, – сказал он. – Чизстейки и сливочный сыр.

Похоже, что ни ему, ни мне не пришли на ум никакие другие типично филадельфийские блюда, так что повисла пауза. Я сделала еще один большой глоток коктейля и почувствовала, что Роджер смотрит на меня. Взглянув на него, обнаружила, что он читает надпись на футболке у меня на спине – там был напечатан список актеров.

– Этот мюзикл, – спросил Роджер. Я заметила, что он произносил «мюзикл», будто это иностранное слово и ему нечасто приходилось его говорить. – Ты в нем играла? – в вопросе слышалось удивление.

– Ага, – сказала я, повернувшись к нему лицом, чтобы он перестал читать, что написано у меня на спине. – Играла главную роль.

Роджер удивленно поднял брови, и я опустила взгляд, уставившись на пластиковую крышку стакана с коктейлем. Мне было понятно его удивление. Даже до того, как все это случилось, люди удивлялись, когда узнавали, что я актриса. А мне нравилась возможность перевоплощаться в кого-то другого. В того, для кого уже написаны все слова, продуманы каждый жест и каждая эмоция и финал предопределен. Почти как в жизни, только без неожиданностей.

⁸ Шутливое название штата Филадельфия.

⁹ Традиционное филадельфийское блюдо, сэндвич со стейком, сыром и овощами.

– Ну что, – я посмотрела на Роджера, – наверное, пора ехать?

– Пожалуй.

Он отпил еще рутбира¹⁰ и посмотрел на шоссе.

– А знаешь что, – произнес он задумчиво, – я не думаю, что нам понадобится четыре дня. У меня друзья ехали через всю страну, так они уложились в тридцать шесть часов.

– Серьезно?

– Ага. Хотя я думаю, что они вообще не останавливались и наверняка превышали скорость, – добавил он.

– Уф, – сказала я, не зная, что на это ответить.

До меня внезапно дошло, что Роджер, возможно, желал этой поездки еще меньше, чем я. Чего ради без пяти минут второкурсник будет тратить четыре дня, чтобы перевезти старшеклассницу через всю страну? Может быть, так он пытался показать, что хочет окончить эту поездку как можно быстрее?

– Ты когда-нибудь путешествовала на автомобиле? – спросил он.

Я покосилась на него и отрицательно покачала головой, чувствуя себя неудачницей. Понятно, что он не имел в виду семейную поездку по примечательным местам. Он имел в виду *путешествие*, в какое отправляются крутые ребята из колледжа.

– А ты? – спросила я, хотя уже подозревала, что ответ будет положительным.

Он кивнул.

– Но из штата не выезжал. Вверх до Сан-Франа¹¹, вниз до Сан-Диего. И я не знаю... – тут он замолчал и заглянул в пакет от картошки. С надеждой встряхнул его еще раз, пошарил внутри и вытащил три кусочка. Взял один себе, а остальные предложил мне.

– Два последних, – сказал он. – Возьми.

Я взяла один, оставив второй ему. Он улыбнулся и съел его с задумчиво-мечтательным видом.

– Пожалуй, я ждал, что эта поездка будет больше похожа на настоящее путешествие, – произнес он. – Думал, что мы сами сможем выбрать маршрут.

Я сделала еще глоток коктейля, надеясь, что облегчение, которое испытала, незаметно со стороны. Он вовсе не был недоволен *мною*, он был недоволен маминым маршрутом. Что было совершенно понятно, учитывая места наших остановок.

Я вспомнила о том, что недавно прочла в папиной книге: пока ты молод, у тебя есть возможность выехать из города и помчаться по шоссе навстречу приключениям. В первый раз за все время мне пришлось в голову, что эта поездка все-таки стоит того, чтобы делать заметки в блокноте путешественника.

– Ладно, – произнесла я, сама до конца не веря, что предлагаю такое. – Я думаю, мы можем заехать и в другие места. Пока мы укладываемся в четыре дня, неважно, каким именно маршрутом мы едем, так ведь?

– Правда? – спросил Роджер. – А что насчет отелей, которые забронировала твоя мама?

Я пожала плечами, хотя сердце у меня заколотилось. Это был совершенно справедливый вопрос. Зная маму, можно предположить, что она будет звонить в каждый отель, чтобы убедиться, что мы прибыли туда своевременно. Но безрассудная часть меня хотела проявить характер. Заставлю ее поволноваться *за меня*. Тогда она поймет, каково это, когда тебя все бросают.

– Подумаешь, – сказала я.

На самом деле это была неправда, но мне понравилось, как это прозвучало. Чарли мог бы сделать что-то такое. А «Эми» не решилась бы на подобное ни за что на свете. Поразмыслив

¹⁰ Рутбир, или «корневое пиво» – газированный напиток, обычно безалкогольный, популярный в Северной Америке.

¹¹ Сан-Франциско.

еще немного и вспомнив о четырехстах долларах в кармане, я решила, что нам, возможно, удастся купить себе хотя бы немного свободы.

Роджер прищурился.

– Хорошо, – он повернулся, чтобы смотреть мне прямо в глаза. – Куда едем?

– Мы поедem по десятому шоссе, как и собирались, – бросила я. Маму не порадует, что мы проигнорировали ее маршрут, но если мы еще и задержимся дольше отведенного времени, у нее случится истерика. – Просто сделаем небольшой крюк.

– Просто небольшой крюк, – кивнув, согласился Роджер.

Он улыбнулся, и мне захотелось улыбнуться в ответ. Мне стало тепло от мысли, что я захотела этого впервые за последние месяцы.

Работница In-N-Out слева от нас внезапно прибавила громкости и начала орать на своего уже-почти-бывшего. По-видимому, его звали Кайл и он точно знал, в чем виноват. С чувством, что я подслушиваю что-то, не предназначенное для моих ушей, я вскочила на ноги и стала прохаживаться перед машиной. Роджер по-прежнему сидел неподвижно.

– Роджер?

– Да, – быстро сказал он, тут же встал и смял белый бумажный пакет. Мы пристегнулись, и Роджер завел двигатель.

– Если это будет настоящее путешествие, – сказал он, выруливая задним ходом с парковки и направляясь к выезду, – нам понадобится запастись кое-какими необходимыми в путешествии вещами.

– Бензином, например?

– Им тоже, конечно, – согласился он, кинув взгляд на приборную панель. – Но есть две вещи, которые совершенно необходимы, если собираешься пуститься в путь.

– И это...

Мы остановились на светофоре, и Роджер улыбнулся мне.

– Вкусная еда и хорошая музыка. И необязательно в таком порядке.

– Как ты относишься к Билли Джоэлу?¹² – спросил он, прокручивая плей-лист в своем айпode.

Мы остановились на парковке у магазина, так как Роджер заявил, что мы не можем продолжать ехать, пока не выберем саундтрек. Я отказалась поставить какую-либо из моих подборок, предоставив ему самому выбирать музыку. На моем айпode были в основном саундтреки бродвейских мюзиклов и всякие старые песни, и я сомневалась, что Роджер является тайным поклонником творчества Эндрю Ллойда Уэббера¹³.

Я отвлеклась от дорожного атласа.

– Нормально, – я не хотела говорить ему, что основным источником моих знаний о Билли Джоэле – это мюзикл *Movin' Out*¹⁴. Я достала еду из пластикового пакета, поставила бутылку крем-соды в подстаканник и откупорила пакет лакричных конфеток. Роджер отсыпал себе батончиков с арахисовым маслом, которые, как он сказал, есть только в Калифорнии, – и в

¹² Билли Джоэл – американский автор-исполнитель, пианист, лауреат нескольких премий «Грэмми», исполнял в основном рок и рок-н-ролл.

¹³ Эндрю Ллойд Уэббер – американский композитор, автор всемирно известных мюзиклов, в числе которых «Иисус Христос – суперзвезда», «Кошки», «Призрак оперы».

¹⁴ *Movin' Out* («Переезд») – мюзикл на музыку Билли Джоэла, премьера которого состоялась в 2002 году.

очередной раз заставил меня задуматься, чего ради кто бы то ни было может захотеть жить в Коннектикуте. Я вытащила из сумки рутбир и поставила в подстаканник перед ним, а затем пристроила пакет с едой на заднее сиденье.

– Пусть будет Билли, – сказал Роджер, нажав на центральную кнопку. – Превосходно.

Я снова сосредоточилась на карте, прослеживая пальцем все скоростные шоссе, которые пересекали штат Калифорния, казавшийся невероятно огромным. В атласе он занимал пять страниц. А Коннектикут, как я заметила, заглянув дальше, помещался на одной странице с Род-Айлендом. Добравшись до страницы с картой Центральной Калифорнии, я сразу поняла, куда хочу поехать – в Йосемитский национальный парк. До него от Рейвен-Рока шесть часов езды, а в его создании участвовали мои предки со стороны отца. Каждое лето мы ездили туда на пару недель: папа, Чарли и я. Мы перестали это делать несколько лет назад без какой-то особой причины. Будто вдруг оказалось, что ни у кого из нас больше нет на это времени. И я не осознавала, как сильно скучаю по таким поездкам, пока не увидела Йосемитский парк на карте, вверх по федеральной автостраде, через пол-штата от нас.

– Я бы хотела... – начала я, затем замялась.

– Придумала маршрут? – спросил он с улыбкой.

– Пожалуй, – я посмотрела на карту, указав пальцем на зеленое пятно национального парка.

Что если он не согласится? Если решит, что это глупо? Я даже не уверена, хочу ли сама туда ехать. В последнее время я старательно избегала вещей, которые могли причинить боль. Но внезапно мне захотелось туда. Я глубоко вздохнула и сказала:

– Ты когда-нибудь бывал в Йосемити?

Не поймал ни разу кролика и никакой ты мне не друг.

Элвис Пресли

Девять лет тому назад

– Мы уже приехали? – ныл Чарли, пиная спинку моего сиденья. Я обернулась и сердито посмотрела на брата, который, сгорбившись, сидел сзади и пялился в окно.

– Перестань, – сказала я. – Надоело.

В ответ Чарли еще раз пнул мое сиденье, на этот раз посильнее.

– Папа! – я повернулась к сидевшему за рулем отцу.

– Что? – откликнулся он, барабанив пальцами по рулевому колесу в ритме песни Элвиса и совершенно не обращая внимания на происходящее у него за спиной.

– Чарли *сильно бьет*.

– Правда, что ли? – папа взглянул в зеркало заднего вида. – Молодец, сынок.

– Я говорю, – разочарованно произнесла я, – он мое сиденье пинает!

– А, – сказал отец. – Ну в таком случае прекрати, пожалуйста. Вряд ли маме понравятся следы на сиденьях.

Чарли пробормотал что-то, чего я не расслышала, и (это было отлично видно в зеркале заднего вида) сполз еще ниже на сиденье. В этих поездках мне разрешалось сидеть впереди, потому что, когда я была маленькой, меня всегда укачивало. Такого больше не случалось, но привычка ездить на переднем сиденье осталась. Когда во время долгих поездок с нами ехала и мама, она сидела сзади, вместе с Чарли. Оба сосредоточенно читали каждый свою книгу, и тишину нарушали только редкие взрывы хохота над прочитанным. Я наблюдала, как Чарли

передавал маме книгу, заложив пальцем страницу, которая его развеселила, и как та улыбалась в ответ.

Но когда мы ехали в машине, их частный книжный мир меня не слишком волновал, потому что нам с отцом тоже было чем заняться, и у меня были свои обязанности.

Он научил меня обращаться с картой, как только я начала читать книги, и с тех пор я всегда была штурманом. «Отлично, мой Санчо Панса, – говорил он. – Указывай курс». Я понятия не имела, о чем он говорит, но это было неважно. Мои действия имели значение. Я должна была указывать нам верный путь, а если обнаруживалась пробка или дорога была перекрыта, я должна была найти другой маршрут. Когда нужно было сменить музыку, я вставляла следующий компакт-диск. Впрочем, тут у меня не было особого выбора. Обычно за рулем папа все время слушал Элвиса.

Он клал в держатель для чашки две пачки леденцов Life Savers, и мне разрешалось брать сколько захочу, при условии что, как только он протянет руку, я разверну очередную конфетку и подам ему.

Чарли снова начал монотонно пинать мое сиденье, и это раздражало меня все больше. Но на этот раз я не стала обращать на него внимания, а продолжила смотреть вперед и жевать мятные конфетки.

Каждый раз, как мы отправлялись куда-то втроем, Чарли ужасно надоедал. Он всегда был большим непоседой, чем я, а чтение – единственное, что вообще могло его успокоить.

Пинки стали сильнее, и я снова резко повернулась к нему.

– *Прекрати!*

– Ну же, сынок, – сказал отец, оглянувшись. – Знаешь что – на этот раз я разрешу тебе самому выбрать один магнитик. Идет?

– Мне все равно, – пробормотал Чарли, но сиденье пинать все же перестал.

– Видите, уже подъезжаем? – спросил отец, сделав Hound Dog потише.

Я выглянула из окна и поняла, что мы уже приехали. Мы в Йосемити. Я увидела маленькую сторожевую будку, а рядом с ней – сторожа в зеленой форме. Он собирал двадцать долларов с каждой проезжающей машины и выдавал разрешение на проезд и карту. Потом махал нам, показывая, что позволяет проехать через ворота в другой мир. Я задирала голову как можно выше, пытаясь увидеть верхушки деревьев.

– Видим, – откликнулся с заднего сиденья Чарли, и я задержала дыхание, ожидая, что сейчас отец скажет то, что он всегда говорил, проезжая через эти ворота.

– Мы вернулись, – сказал он, – о славная старая грудa камней. Скучала по нам?

Первый плей-лист Роджера

«Покидая Калифорнию», он же «Отправляясь в путь», он же «Вкусная еда важна, но хорошая музыка важнее»

Название – исполнитель

Going to California – Led Zeppelin

Drive Away my Heart – Ida Maria

California in Popular Song – The Lucksmiths

I See You – Mika

Travel Song – Someone Still Loves You, Boris Yeltsin

Miss California – Jack's Mannequin

The General Specific – Band of Horses

I'm Moving Out (Anthony's Song) – Billu Joel
Life in the Fast Lane – Eagles
Birds of a Feather – The Rosenbergs
Limelight – Rush
All My Stars Aligned – St. Vincent
Unhurried Hearts – Harlem Shakes
The Wild – Princeton
I Stand Corrected – Vampire Weekend
In California (Live) – Neko Case
Nobody Lost, Nobody Found – Cut Copy
Vanilla Twillight – Owl City
Adrift – Jack Johnson

***Хотел бы я забыть свои невзгоды, уснув под
звездным небом Калифорнии.***

Wilco

– Ух ты, – сказал Роджер, когда мы вышли из офиса службы бронирования. – Здесь есть медведи!

Хорошо, что нам вообще досталось хоть какое-то жилье. Похоже, большинство людей бронировали места за несколько месяцев. Раньше я не задумывалась об этом, потому что все организовывал отец. Последнее свободное место досталось нам сейчас только потому, что кто-то отменил поездку. Палаточный домик, в котором было только одно спальное место. Но мы забрались уже так далеко, – а от ворот Йосемитского парка до «Карри» нужно было ехать еще целый час, – и потому перспектива повернуть назад ни с чем меня действительно сильно огорчила бы.

После того как мы оплатили ночевку, нам показали видео, на котором медведь сначала цапал лапами микроавтобус, а затем сидел на земле и поедая чипсы, которые владельцы автомобиля опрометчиво оставили на заднем сиденье. Глядя на все это, я удивилась, почему тот, кто снимал, не попытался отогнать медведя или хотя бы не послал кого-то предупредить владельцев микроавтобуса. Посмотрев видео, мы должны были понять, что медведи в Йосемити опасны, особенно для транспортных средств. А потом мы подписали бумагу, что не будем предъявлять претензий, если медведь заберется в нашу машину, даже после того как мы уберем из нее чипсы.

Мы вернулись к главной парковке, расположенной рядом со столовой, которую раньше всегда называли «берлогой». Сумерки сгустились, но все еще можно было рассмотреть обстановку вокруг. Это радовало, потому что когда в Йосемити темнеет, там становится *действительно темно*. Любоваться на звезды проще, а вот найти свой домик сложнее. Фонари горят только у хижин. Когда мы шли по мощеной дорожке, я заметила, что Роджер постоянно смотрит вверх, слегка приоткрыв рот. Я тоже подняла глаза – на пейзаж, который еще можно было разглядеть в темноте. Йосемити потрясал, как и в первый раз. Здесь были горы и громадные древние деревья, рядом с которыми чувствуешь себя крошечным. Воздух был чистым и свежим, и из-за этого его хотелось вдыхать глубоко – снова и снова. Мне всегда казалось, что Йосемити – какое-то совершенно особое место, где не действуют правила обычной жизни. Например, здесь нужно забирать шампунь из автомобиля, чтобы в него не забрались голодные представители местной фауны.

Мы запаковали всю еду и забрали из машины мой чемодан и вещи Роджера. Потом отправились на поиски домика номер девять. Когда мощеная дорожка превратилась в тропинку,

посыпанную гравием и щепками, я догадалась, почему люди, приезжая в Йосемити, обычно не берут с собой чемоданы на колесиках. Мой постоянно цеплялся за щепки, опрокидывался и не хотел катиться дальше, не говоря уже о том, что люди, мимо которых я проходила, – хорошо подготовленные к поездке в Йосемити, в флисовых кофтах и с фонариками в руках – думали, наверное, что я выгляжу странно. Но вот наконец мне удалось добраться до нашего домика, рядом с которым уже стоял Роджер, глядя в свой телефон.

– Все готово? – спросил он немного рассеянно.

– Агась! – ответила я, мысленно проклиная себя.

Домик, как нам и обещали, был выкрашен в белый, а дверь – в зеленый цвет. К ней вели четыре ступеньки с перилами, тоже зелеными. Контейнер с защитой от медведей стоял рядом со ступеньками. Мы с Роджером перебрали вещи и сложили все, что медведи могли бы принять за еду, – то есть на самом деле все – внутрь этого металлического ящика, убедившись, что он надежно заперт. Рядом с домиками, в которых мы останавливались раньше, не было таких штук, и я не была уверена, что маленький металлический ящик выдержит нападение голодных медведей, если для них не представляло никакого труда забраться в микроавтобус. К тому же мне не понравилось, что ящик стоял так близко к домику. Кто же ставит аппетитную закуску так близко к главному блюду?

Гоня от себя подобные мысли, я достала маленький медный ключ и открыла дверь. Выключатель оказался рядом со входом. Домик был очень маленьким, и большую часть помещения занимала кровать – металлическая, покрашенная белой краской. На ней лежали упаковка простыней и два колючих серых одеяла. Номер условно можно было назвать двухместным. Кровать выглядела *маленькой* и даже не тянула на небольшую двухспальную.

– Сельский стиль, – сказал Роджер, осматривая домик.

Полотно, натянутое между зелеными деревянными опорами, с внутренней стороны было таким же белым. В углу стоял стул, а рядом с ним – деревянный шкаф с зеркалом в деревянной раме. Вот и все.

– По-моему, не так уж и плохо, – добавил он, опустив на пол сумку и рюкзак и снова уткнувшись в телефон.

Я посмотрела на кровать, мысли о которой поглощали все мое внимание.

– Слушай, – сказала я сбивчиво, сама еще не зная, что говорить дальше. – По поводу кровати...

Я не хотела, чтобы он решил, что я *специально* выбрала домик с одной кроватью.

– Мне правда жаль, что так вышло.

– Почему? – спросил Роджер. – Ты храпишь? – он спросил это с улыбкой, и я заметила слабый румянец на его щеках. – Да ведь это только на одну ночь.

– Ты прав, – согласилась я.

Поскольку мы еще не выехали из Калифорнии, в то время как по плану должны были приехать в Нью-Мексико, я поняла, что завтра нам предстоит долгий путь. Оставалось надеяться, что там, где мы окажемся завтра, в нашем распоряжении точно окажутся два одноместных номера.

– Только одна проблема: я обязательно должен спать справа. Моя девушка... – тут он запнулся, но через пару секунд продолжил: – Ну, я имею в виду моя *бывшая* девушка, она всегда спала слева. Наверное, я просто привык.

– А, – сказала я, обдумывая его слова.

Это значит, что сейчас у него нет девушки. Но когда-то она была и приучила его спать справа. И что он произносит слово «девушка» с интонацией, очень похожей на ту, с какой я произношу «родители».

Почему-то я сразу решила, что у Роджера есть девушка. Не может быть, чтобы у такого милого и симпатичного парня ее не было. Его рассказ заставил меня занервничать.

– Ладно, меня вполне устроит спать слева, – согласилась я.

Прежде мне не доводилось проводить всю ночь в спальне Майкла, так что я не спала в одной кровати ни с кем, кроме Джулии, да и то мы были в седьмом классе и ночевали каждые выходные то у меня, то у нее. Я понятия не имела, каково это – спать на одной кровати с парнем. Особенно с милым парнем старше тебя, который, похоже, свободен.

– Отлично, – произнес Роджер все так же рассеянно. – Так, теперь мне нужно позвонить.

Он направился к двери.

– Можешь позвонить отсюда, – я достала телефон из кармана, чтобы проверить заряд, и обнаружила пропущенный вызов от мамы. – Здесь есть сеть.

– Спасибо, – торопливо сказал он. – Я пойду, а ты устраивайся пока, и встретимся внизу, у столовой.

– Хорошо, – я вдруг запоздало сообразила, что он хотел остаться в одиночестве, чтобы позвонить. – Конечно.

В следующую секунду он вышел из домика, помахав мне рукой, и дверь за ним захлопнулась с громким стуком. Выждав немного, я щелчком выключателя погасила свет и вышла, заперев за собой дверь. Затем уселась на верхнюю ступеньку и осмотрелась вокруг. Легкая дрожь пробирала меня, ведь даже летом ночи здесь прохладные. Уже почти совсем стемнело, но тени от деревьев были видны, потому что взошла луна и светила невероятно ярко. Слева виднелась Хаф-Доум, самая известная гора в Йосемити, старая знакомая.

– Я вернулась, – негромко сказала я. – О славная старая груда камней. Скучала по мне?

«Привет, вы позвонили Памеле Карри. Пожалуйста, оставьте сообщение. Назовите свое имя и номер, и я перезвоню вам, как только смогу. Спасибо».

Би-и-ип.

«Привет, мама, это Эми. Кажется, я скучаю по тебе. Но поездка идет по плану. Прямо сейчас мы устроились в отеле, зарегистрировались и все такое. Так что не переживай! Надеюсь, поговорим завтра. Передавай бабушке привет от меня».

Вот уже двадцать минут я стояла на ступеньках у входа в домик, пытаясь заставить себя войти внутрь. Похоже, Роджер решит, что у меня проблемы с желудком. Нельзя же в самом деле так долго принимать душ.

До последнего момента я думала, что меня вовсе не напрягает вся эта история с ночевкой в одной кровати. Да это так и было. Мы встретились у столовой, поужинали и поболтали с двумя говорливыми стоматологами из Палм-Дезерта. Потом посмотрели вечернюю развлекательную программу – информационное видео «Йосемитский парк и его история» – и направились обратно к нашему домику, чтобы лечь спать.

Когда Роджер вернулся из душевой, на нем были синяя с серым футболка колледжа Колорадо и черные спортивные шорты. Я вдруг осознала, что мне придется спать рядом с едва знакомым парнем, который был практически в одном нижнем белье.

Потрясенная, я схватила в охапку свои вещи для сна и отправилась в душевую, чтобы переодеться. Она находилась дальше по тропинке, ведущей от нашего домика, поэтому мне приходилось постоянно оглядываться по сторонам, чтобы не стать чьим-нибудь ужином. Я надела самую закрытую ночную одежду, которая у меня была: спортивные штаны и рубашку с длинными рукавами, – почистила зубы, умылась, как можно сильнее растягивая время в надежде, что к моему возвращению Роджер уже уснет или в службе бронирования для нас чудесным образом найдется еще один домик.

Я убрала свои вещи в ящик и теперь пыталась заставить себя открыть дверь и зайти в дом. Это было непросто, ведь мне совсем не хотелось спать с кем-то, кого я едва знаю.

Я мечтала оказаться дома, в своей собственной постели, чтобы родители сидели в гостиной, а Чарли – в соседней комнате. Я всегда считала, что это будет длиться вечно. Мне никогда не приходило в голову, что в этом есть что-то необычное. А сейчас отдала бы все, чтобы вернуться назад.

«Эми» сейчас, наверное, жевала бы бургер, сидя рядом со своим парнем, любителем поиграть в футбол, и ее самой большой заботой был бы прыщик на щеке, который никак не хотел исчезнуть, черт бы его побрал.

Было слышно, как Роджер ходит по домику, а значит, рано или поздно мне все-таки придется зайти внутрь. Я глубоко вздохнула и открыла дверь, чувствуя, как вспотели ладони. Оказалось, что Роджер расстелил кровать, причем весьма аккуратно, и сложил одеяло. Он сидел на кровати с правой стороны. Я сложила одежду на чемодан и обошла кровать, чтобы подойти к ней слева, чувствуя себя ужасно смущенной и не зная, куда деть руки. Когда я подошла к кровати со своей стороны, то увидела, что футболка Роджера немного задралась и над шортами видна полоска голой спины. Я быстро отвела взгляд, не зная, что делать. Мне тоже сесть на кровать? Откинуть одеяло? Подождать, пока он первый ляжет и укроется?

Роджер повернулся ко мне.

– Все в порядке? – спросил он. – Я уже начал думать, что на тебя медведь напал.

– Ха-ха, – я попыталась изобразить непринужденный смех, но даже мне самой было заметно, как жалко он прозвучал. – Нет, все нормально. Просто...

Я понятия не имела, как закончить предложение, так что даже не стала пытаться и просто оставила эту фразу висеть в воздухе.

– Спасибо, что расстелил постель, – наконец выговорила я. – Это было совершенно необязательно.

– Мне нетрудно, – улыбнулся Роджер. Пару секунд он стоял и смотрел на меня, будто оценивая мой вид. – Тебе не жарко?

– Что? Мне? – пробормотала я в полном замешательстве.

– Ага, – сказал он, все еще глядя на меня.

Что? Это он так заигрывает или что? Прямо перед тем, как мы ляжем спать в одну кровать? Как будто без этого было мало сложностей.

– Ой, спасибо. Ну, то есть ты не обязан, но я не уверена, что стоит...

– О, нет, – быстро сказал Роджер, и я заметила, что он снова покраснел. – Нет. Я хотел сказать... ну, ты так одета. Тебе жарко не будет?

Ох. Мне немедленно захотелось, чтобы один из этих медведей, которые бродят снаружи, пришел и съел меня.

– А, ну да, – я изо всех сил старалась, чтобы мой голос звучал бодро. – Да нет, нормально. Я тут всегда немного мерзну по ночам.

Роджер кивнул и потянулся (на этот раз я увидела полоску его плоского живота), и я снова отвела взгляд, подумав, что лучше бы его футболка была немного подлиннее.

– А тебе нормально? – спросила я. – Не холодно в смысле?

– А, конечно, – сказал он, откидывая одеяло со своей стороны.

С облегчением оттого, что наконец-то стало понятно, что делать, я откинула свою часть одеяла.

– Мне всегда жарко по ночам. Хэдли из-за этого прозвала меня обогревателем.

Я подошла к двери, убедилась, что она заперта, и выключила свет. Но из-за белых стен, через которые проникал лунный свет, было по-прежнему достаточно светло, чтобы легко добраться до своей стороны кровати. Роджер уже улегся, и я забралась в постель следом за ним, стараясь держаться как можно ближе к своему краю, но при этом не упасть. Подложив руки под голову, я смотрела в потолок в волнении от ощущения того, как близко мы друг от друга. Мне не придется даже вытягивать руку, чтобы дотронуться до него. Я слышала ритм его дыхания.

– Хэдли? – спросила я немного погодя, догадываясь, что это его бывшая девушка, та, чью сторону кровати я теперь занимала.

– Ага, – сказал Роджер, и я расслышала напряжение в его голосе. – Моя девушка. Моя *бывшая* девушка, – тут же поправился он, заметно сердясь на себя самого. – Она... она была просто...

Я подождала, немного повернув голову, чтобы видеть его, но, похоже, он не собирался произносить вслух, что же такое представляла собой Хэдли. Роджер глубоко вздохнул и улегся, подложив руки под голову. Пару секунд я разглядывала его мускулы, а затем снова уставилась в потолок.

– А у тебя, – спросил он, повернув голову в мою сторону, – есть кто-то?

Я тут же подумала о Майкле, но не была уверена, что нас все еще можно считать парой.

– У меня никого нет, – сказала я. Потом, подумав, что это прозвучало слишком беспомощно, добавила: – Хотя был один парень... Но он просто... То есть он в самом деле...

Я умолкла, не понимая, куда делись все мои прилагательные, существительные и глаголы. Мистер Коллинз этого не одобрил бы.

– Я не знаю, – наконец блестяще закончила я свою речь. – Пожалуй, нет.

Я посмотрела на Роджера и увидела, что теперь он лежит на боку, лицом ко мне, немного согнувшись. Обычно я тоже спала на боку. Я посмотрела на потолок, мысленно готовясь к еще одной долгой ночи. В прошлом месяце я впервые узнала, что такое бессонница. Лежала без сна часами, пока наконец не сдавалась и не включала телеканал с прогнозами погоды. По какой-то причине он меня успокаивал – вернее, тот факт, что он, по сути, предсказывал будущее. Мне нравилось, что метеорологи могут рассказывать людям по всей стране, чего им ждать от следующего дня или недели. Понаблюдав за картинками с погодных радаров некоторое время, мне удавалось задремать на пару часов. Но этой ночью в домике, вокруг которого, вероятно, бродили стаи голодных медведей, в одной кровати с Роджером, я понятия не имела, удастся ли мне вообще заснуть.

– Спокойной ночи, Эми, – произнес Роджер.

– Спокойной ночи. Спи крепко, медведям не попадайся, – машинально добавила я.

Именно такими словами мы с папой и Чарли желали друг другу спокойной ночи, когда приезжали сюда. Годами я об этом не вспоминала, и вдруг оказалось, что эти слова просто ждали подходящего момента.

Роджер засмеялся – с той же интонацией, что и раньше, только потише.

– Ага, – сказал он. – И ты тоже.

Я увидела, как он закрыл глаза, и подумала, что он, наверное, заснет мгновенно, счастливый человек, который может просто отключиться, не обращая внимания на собственные тревожные мысли. Ведь и я когда-то была такой же.

Дыхание Роджера стало ровнее и медленнее, и я почувствовала себя на своей половине кровати более спокойно. Между нами на постели была складка, и Роджер вроде бы не приближался к ней. Двигаясь как можно медленнее и осторожнее, я повернулась на бок, лицом к Роджеру, и свернулась клубком.

И хотя я была уверена, что заснуть будет невозможно, тоже закрыла глаза.

Я проснулась – было три часа ночи. Удивительно, что мне все-таки удалось заснуть, причем без помощи погодных карт. Я села и осмотрелась по сторонам. В домике было темнее, чем раньше, – может, луна скрылась за облаком – и я была в кровати одна. Я тут же почувствовала приступ паники – смешно, вообще-то, учитывая, как сильно мне не хотелось спать в одной кровати с Роджером. Но теперь все это было уже слишком. Я начала соображать, куда он мог пойти: отправился в уборную или вышел посмотреть на звезды поздней ночью – и тут услышала его голос снаружи. Посмотрев на дверь, я заметила, что она немного приоткрыта, так, что мне было слышно, что он говорит.

– Привет, Хэдли, – сказал он. – Это снова я.

Я осмотрелась по сторонам, пытаюсь понять, что мне делать. Включить свой айпод? Понятно, что его слова не предназначены для моих ушей, но в то же время мне очень сильно хотелось узнать, с кем и о чем он разговаривает. Голос его звучал довольно нервно.

– Похоже, тебя нет дома. Или ты спишь. У вас, наверное, уже довольно поздно. Или рано. Так что если я тебя разбудил, извини... – он сделал паузу. – Я в Калифорнии, в горах, и здесь такие красивые звезды. Вот бы ты на них посмотрела... Я... – он осекся. – Хэд, я просто не понимаю, что случилось. Почему ты не отвечаешь? Это совсем на тебя непохоже, так что... я просто не знаю. Как бы то ни было, позвони мне, если получишь это сообщение, ладно?

Я ждала, что он как-то попрощается, но продолжения не последовало. Догадавшись, что скоро он вернется в домик, я снова улеглась и закрыла глаза, делая вид, что сплю, чтобы он не понял, что я все слышала.

Когда я открыла глаза в следующий раз, на улице уже рассвело и снаружи звучали птичьи голоса – одни щебетали, другие пронзительно кричали – со всех сторон. Я взглянула на часы – было восемь утра. Затем в ту сторону, где лежал Роджер – его голова была на расстоянии вытянутой руки от меня. Он крепко спал, одеяло сползло с плеча. Несколько мгновений я просто наблюдала за ним – он дышал спокойно и ровно. А затем отвела взгляд, перекатилась на кровати и потянулась. За последние несколько месяцев мне ни разу не удавалось так хорошо выспаться.

Мисс Калифорния, я буду по тебе скучать.

Jack's Mannequin

Когда Роджер проснулся, мы отправились к берлогу, месту, которое мне всегда нравилось. Это была каменная постройка с огромным камином, у которого обычно собирались люди. Деревянная отделка и огонь в камине, который горел всегда, превращали ее в место, где даже в июле хочется свернуться клубком в кресле с кружкой горячего шоколада. К тому же берлогу украшали портреты моих предков, которые заявили в Йосемити больше века назад и основали эту базу отдыха, чтобы заработать. Со временем она стала частью парка. Похоже, что главным наследием моих предков стал «огнепад» – выдолбленная в скальном склоне горка, по которой ночами низвергалось пламя. Огнепад закрыли в шестидесятых, по большей части из-за того, что люди изумлялись, как это до сих пор никто от него не пострадал. После того как я кратко познакомила Роджера с моей семейной историей, мы позавтракали.

Точнее говоря, я позавтракала, а Роджер съел столько, будто он голодал весь последний год или у него в желудке завелся солитер. К счастью, там был шведский стол, съешь сколько сможешь, но я бы не удивилась, если бы после нашего визита они пересмотрели это правило. Когда Роджер в третий раз принес тарелку с горой еды, в этот заход отдав предпочтение разнообразным сортам мяса, – он посмотрел на мою порцию, удивленно подняв брови.

– И это все, что ты ешь? – спросил он.

– Да, – ответила я, отпивая апельсиновый сок. Я уже съела овсянку, два маффина и банан, чего было для меня более чем достаточно. – Я вполне сыта.

Роджер покачал головой.

– Тебе нужно больше углеводов. – Он устроился на стуле, взял в руки «Путеводитель по Йосемити», который мы захватили на входе, и начал читать его, жуя кусок сосиски. – Сегодня тут много всего: пеший поход, прогулки, Бобровый перевал какой-то – так что тебе понадобится много энергии.

Он передал мне буклет, и я сделала вид, что читаю, но на самом деле рассматривала Роджера, выглядывая из-за страниц.

– Так как тебе спалось ночью? – спросила я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно более непринужденно.

– Отлично, – ответил Роджер, но я заметила, что он особенно усердно занялся канадским беконом. – Вырубился, как только свет выключили. А ты как?

– Да неплохо, – не задумываясь ответила я, взглянула на Роджера и поняла, что он скрывает больше, чем я предполагала, и что я не единственный лжец за этим столом.

«Привет, вы позвонили Эми. Оставьте сообщение, и я вам перезвоню.
Спасибо!»

Би-и-ип.

«Привет, Эми, это мама. Мы с тобой как будто играем в догонялки по телефону. Рада, что ты добралась до Нью-Мексико, и надеюсь, что у вас все в порядке и вы уже на пути в Оклахому. Я позвонила в отель „Холидей“ в Гэллапе, чтобы убедиться, что вы там, но мне ответили, что у них нет записи о вас. Однако такое впечатление, что администратор, с которым я разговаривала, вообще не в курсе происходящего. Так что позвони мне, пожалуйста, чтобы я не переживала».

– Прекрасно, – сказал Роджер, вытянув ноги и оглядываясь по сторонам.

Мы сидели во внутреннем дворике столовой, наслаждаясь видом на огромные сосны, потрясающие горы, солнечный свет, проникающий сквозь кроны деревьев. Мы выписались из домика и отнесли вещи обратно в машину, но сидели к ней достаточно близко, чтобы заметить, если рядом появятся какие-нибудь голодные хищники. Роджер поднес руку ко лбу, чтобы солнце не светило в глаза, и вскочил на ноги.

– Нужно достать солнцезащитные очки, – сказал он. – Твои захватить?

– Мне и без них нормально, – сказала я, подумав, что это звучит неубедительно, ведь мне пришлось прищуриться, чтобы посмотреть на него.

– Точно?

– Ну, – я попыталась не щуриться и обнаружила, что это просто невозможно. – На самом деле у меня их нет.

– В сувенирном магазине вроде есть какие-то, – сказал Роджер.

Я видела их: в основном там продавались плотно прилегающие к лицу очки с зеркальными стеклами в спортивном стиле – такие обычно покупают люди, которые действительно собираются идти в горы. Но я не хотела носить никакие солнцезащитные очки.

– Мне и так нормально, – твердо сказала я.

Роджер бросил на меня еще один взгляд, затем пожал плечами и направился к машине.

Я закрыла глаза и откинула голову назад. Было очень приятно ощущать лучи солнца на лице.

– Эми?

Я открыла глаза и увидела напротив какую-то женщину, которая пристально разглядывала меня. Она стояла прямо против солнца, так что я едва могла различить ее лицо. Я встала и принялась рассматривать ее. Женщина была одета по-походному: на поясе завязана ветровка, а выщипанные седые волосы коротко подстрижены. Мне не сразу удалось вспомнить незнакомку, но потом я осознала, что это была Кэти... как ее там. Кэти приезжала с мужем в Йосемити в то же время, что и наша семья, поэтому мы всегда встречались с ними, когда бывали здесь, на совместных посиделках за ужином. Кажется, однажды она нам даже рождественскую открытку прислала. Счастливого Рождества от Как-их-там.

– Привет, Кэти, – сказала я, стараясь не подать виду, что не сразу ее узнала, произнося имя как можно тише, на случай если вдруг память меня подвела.

– Это ты! – воскликнула она, протянув руки и быстро обняв меня – прежде, чем я поняла, что происходит. – Я тебя повсюду узнаю, хотя, боже мой, как ты выросла! Теперь ты такая красивая юная леди!

Почему старшие всегда говорят что-то в таком духе? Что-то, что не всегда соответствует действительности? А сами всегда требуют, чтобы мы не врали.

– А где остальные? – спросила Кэти, оглядываясь по сторонам. – Твой брат и папа? В машине?

Я почувствовала, как заколотилось сердце, и ощутила приступ той паники, которая всегда накрывала меня, когда я думала, что вот-вот придется *рассказать кому-то об этом*.

Я почувствовала напряжение в голосе, как будто горло сжали тисками, чтобы я не смогла проронить ни слова, даже если бы очень захотела.

– Они остались дома.

Я быстро заморгала, посмотрев вниз, на покрытый царапинами деревянный стол, вопреки всему надеясь, что Кэти Как-ее-там не станет выяснять подробностей и уйдет. Боковым зрением я заметила, как Роджер в солнцезащитных очках идет от машины ко мне и слегка замедляет шаг, заметив, что я с кем-то говорю.

– Какая досада, – сказала она. – Твой папа всегда так веселил нас за ужином! Как у него дела? Все в порядке?

Дыхание стало сбивчивым, и мне пришлось отчаянно моргать, пытаясь сдержать слезы. Я хотела только одного – просто исчезнуть, вернуться домой, где я буду в одиночестве, где никто не причинит мне боль невинным на первый взгляд вопросом. Я была готова потерять самообладание и разрыдаться прямо на глазах у Кэти. Но, похоже, у меня не было возможности сбежать – оставалось только попытаться пережить все это. Комок подступил к горлу, и мне становилось все труднее дышать. Казалось, я тону.

– Ну... – сказала я снова срывающимся голосом. Похоже, Кэти заметила, что что-то не так: ее брови поднялись, и она слегка нахмурилась. – На самом деле... он... – из горла вырвался сдавленный всхлип, и я отвела глаза, понимая, что не смогу больше ничего сказать.

Я услышала, как Роджер произнес:

– Привет.

Он подошел к Кэти с другой стороны и протянул ей руку, так что той пришлось отвернуться от меня. Хотя все было как в тумане, я заметила, что он наблюдает за мной краем глаза.

– Роджер Салливан. Друг семьи.

– Кэти Саммерс, – представилась она, и я зафиксировала в памяти ее фамилию, сцепив руки и сжимая губы со всей силой. Несмотря на это, я все еще чувствовала, как трясутся руки, как дрожит мой подбородок, а я ничего не могу с этим поделать.

– Я как раз спрашивала об остальных Карри, – сказала Кэти, повысив голос на последнем слове так, что оно прозвучало как вопрос.

Роджер взглянул на меня: я смотрела прямо перед собой, моргая изо всех сил, стараясь вернуть былое самообладание. Тогда он подошел на шаг ближе к Кэти и немного понизил голос.

– На самом деле, – сказал он, помолчал немного и кашлянул, – к несчастью, мистер Карри недавно скончался.

Больше я не могла этого выносить. Я пошла по направлению к столовой, опустив голову, и рывком распахнула дверь, но еще успела услышать, как Кэти потрясенно охнула, а затем рассыпалась в сочувственных восклицаниях. Я хотела как можно быстрее добраться до туалета, не желая выяснять, чем закончится этот разговор. Она скажет, как потрясена, какая это ужасная трагедия. А затем, конечно, последует вопрос: как это случилось? Хоть Роджер и не знал на него ответа.

Я толкнула дверь в туалетную комнату (к счастью, там никого не было) и заперлась в ближайшей кабинке. Потом прислонилась к холодной металлической двери и наконец разрыдалась. Я плакала, закрыв лицо руками. Ужасные долгие всхлипы зарождались где-то глубоко внутри меня. До того как все это случилось, я никогда так не плакала, и теперь ненавидела себя за это. Эти рыдания были чудовищны, я не могла их остановить. Но главное – они не приносили облегчения, а лишь обнажали огромную болезненную рану, которую трагедия оставила в моем сердце.

Когда мне начало казаться, что дыхание стало ровнее, я вытерла лицо руками. Потом отперла дверь и вышла из кабинки, ужаснувшись своему отражению в зеркале: глаза покраснели и опухли, нос тоже покраснел, а кожа пошла пятнами. Я сунула руки под воду – самую холодную, какую могла вытерпеть, – а затем побрызгала немного на лицо и вытерлась насухо колючим коричневым бумажным полотенцем, от которого, кажется, стало только хуже.

Дверь распахнулась, и вошли мать с дочкой. Женщина подгоняла маленькую девочку к раковине. Она уставилась на меня, а затем быстро отвела взгляд, и я подумала, что прятаться в туалете весь день – как бы привлекательно это ни звучало – на самом деле не выход. Я открыла дверь и чуть не споткнулась о Роджера, который сидел на полу справа от нее.

– Привет, – сказал он, и я увидела, что он держит в руке мою сумочку. – Вот, ты это снаружи оставила.

Я кивнула и взяла ее, глядя вниз, на серо-коричневый ковер.

– Спасибо, – выговорила я, заметив, что мой голос все еще звучит хрипло. Но, к счастью, я уже им овладела.

– Все нормально?

Ответ был очевиден, поэтому я просто пожала плечами.

– Ладно, – сказал Роджер и немного помолчал, прежде чем продолжить. Он говорил нерешительно, тщательно обдумывая каждое слово, перед тем как произнести его. – Если ты как-нибудь захочешь поговорить или просто, чтобы я выслушал – я могу...

– Кто тебе рассказал? – спросила я, произнося слова быстро, одно за другим, будто так их было легче выговорить. – Твоя мама? Или ты увидел то фото на холодильнике?

– Мама, – сказал Роджер после небольшой паузы. – Думаю, она была там... на панихиде.

Вполне возможно. Даже если бы она приехала на похороны верхом на слоне, в моей памяти все равно не осталось бы и следа.

Я кивнула.

– Ты знаешь... – я сделала глубокий вдох и заставила себя произнести это вслух. Я подозревала, что он не знает, но мне нужно было убедиться. – Знаешь, как это случилось?

– Нет. Хочешь рассказать?

Я покачала головой и снова почувствовала дрожь, поэтому как можно сильнее прикусила губу.

– Ладно, – тут он немного помолчал. – Наверное, нам пора ехать, как ты думаешь?

Я кивнула, а когда взглянула на него, то увидела, что Роджер протягивает мне темные очки, которые я тут же нацепила. Они были мне слишком велики – огромные квадратные мужские солнцезащитные очки, и постоянно соскальзывали на нос. Но в тот момент я была просто благодарна, что могу хоть чем-то отгородиться от окружающего мира, чтобы не перепугать всех детей в Йосемити. Мы направились к выходу из берлоги, я обернулась – она больше не казалась такой уютной, как утром. Дверь с грохотом захлопнулась за мной, и мы направились к машине.

Самая пустынная дорога Америки

Межгород, дайте мне Мемфис, Теннесси.

Элвис Пресли

Февраль четыре месяца тому назад

– А ты что думаешь? – спросил папа, с невероятно гордым видом повернувшись от Чарли ко мне.

Я посмотрела на Чарли, который сидел за столом напротив меня, а затем влево – на отца, который широко улыбался. Потом опустила взгляд на подарок, который только что распаковала, – путеводитель Фроммера¹⁵ по Мемфису, штат Теннесси. Чарли был озадачен своим подарком так же, как и я: ему досталась книга по истории блюза.

Мама вернулась к столу с кружкой чая, улыбнулась, покачала головой и сказала:

– Я же тебе говорила, Бен, что это для них слишком сложно.

Я понятия не имела, что она хочет этим сказать, и Чарли, как обычно, тоже.

– Это подсказки, – сказал папа, которого наша реакция как будто вовсе не огорчила, – насчет того, куда мы поедем этим летом.

Я повертела в руках свою книгу.

– Думаю, в Мемфис.

– Да, – произнес папа подчеркнуто терпеливо. – Но не просто в Мемфис...

Чарли закатил глаза и положил свою книгу на стол.

– Грейсленд?¹⁶ – спросил он, и отец кивнул. – Серьезно, что ли? – прошептал Чарли, обращаясь ко мне через стол. Я сделала вид, что не слышу.

– Да! – отец забрал у меня книгу и сам пролистал ее. – Я думаю, в июле. Так что освободите место в своем расписании, вы оба, пришло время навестить Короля¹⁷.

Чарли покачал головой и оттолкнул книгу от себя.

– Не обижайся, пап, но Грейсленд – унылое местечко.

– Унылое? – спросил папа, в шутку сделав вид, будто рассердился. Он повернулся к маме, ища поддержки, но она лишь улыбнулась и покачала головой, листая «Нью-Йоркское книжное обозрение» и, как обычно, не вмешиваясь в спор.

– И вовсе не унылое, – возразила я, забрав свой подарок у отца и перелистывая страницу за страницей.

– Ты там была? – спросил Чарли.

– А ты? – парировала я, строго взглянув на брата.

Понятия не имею, почему с ним всегда так сложно и почему он не может просто сразу согласиться на что-то. Не то чтобы я сама хотела поскорее попасть в Грейсленд, но было ясно, что это важно для папы. Чарли, как обычно, не придавал этому значения.

– Твоя сестра права, – сказал отец, и я услышала, как Чарли пробормотал себе под нос:

– Ну конечно, само собой.

– Поскольку из всех присутствующих за этим столом в Грейсленде был только я, – продолжил отец, – только я и могу судить о его неунылости. Это Америка как она есть. И мы поедем туда. Мы погрузим все в машину...

¹⁵ Frommer's – известная серия путеводителей, основателем которой является американец Артур Фроммер, включает в себя более 300 книг о разных городах мира.

¹⁶ Грейсленд – поместье в Мемфисе, где жил Элвис Пресли, сейчас представляет собой музей.

¹⁷ Элвис Пресли – один из самых успешных исполнителей популярной музыки в XX веке, в США его называют «королем рок-н-ролла» или просто «Королем».

– Секунду, – Чарли сел прямо. – Мы на машине поедem? До *Теннесси*?

– Мы еще поговорим об этом, – сказала мама, выглянув из-за своего журнала. – Ехать очень долго, Бен.

– Лучшего способа увидеть Америку и не придумать, – произнес отец, откинувшись на спинку стула. – А когда мы доберемся до Мемфиса, то увидим Бил-стрит¹⁸ и уток в «Пибоди»¹⁹ и поедим барбекю... – он повернулся ко мне и улыбнулся. – Проложишь курс, тыковка?

Она думает сделать остановку в Неваде.

Билли Джоэл

– Мы правильно едем? – спросил Роджер, взглянув на меня.

Я сдвинула на лоб солнцезащитные очки и повернула карту. Я предложила другой маршрут, чтобы не делать большой крюк, возвращаясь на дорогу, по которой мы въехали в парк.

– По-моему, да, – ответила я, рассматривая знак, к которому мы подъезжали. Но он был полностью скрыт за листвой соседнего дерева. Я могла видеть только зеленую полосу в его верхней части. – Да, все правильно.

– Я просто немного запутался, – сказал Роджер, сосредоточенно глядя вперед.

– Все в порядке, – я с облегчением заметила знак, который не был закрыт ветками и указывал, как выехать на шоссе. – Вон там направо.

– Хорошо, что ты в этом разбираешься, – сказал Роджер, поворачивая. – Я плохо ориентируюсь на местности.

– Ну, я-то умею читать карты, поэтому буду штурманом, – я осторожно выговаривала слова, чувствуя, как снова появляется комок в горле.

– Отлично, – сказал он. – Будешь моим Чеховым.

Я посмотрела на него.

– Антоном Чеховым? – спросила я. – Драматургом?

– Не, тем Чеховым, который навигатор «Энтерпрайза», – сказал он, взглянув на меня. – Из «Звездного пути».

– Никогда не смотрела «Звездный путь», – вздохнула я.

Может быть, Роджер не настолько крутой, как мне показалось поначалу.

– Вот это печально. Хотя должен признать, что никогда не читал твоего Чехова.

После того как мы выехали из Йосемити, дорога стала более извилистой и пустынной. На ней было всего две полосы, и когда нам начали попадаться невероятно крутые повороты, стало ясно, что мы едем через горы. При виде сосен, растущих вокруг, мне казалось невероятным, что мы все еще в том же штате, что и вчера – с пальмами и скоростными автострадами.

– Может, поставим твою любимую музыку? – спросил Роджер, снова запустив свой плейлист.

– Меня все устраивает, – ответила я.

Мои подозрения, что Роджеру не понравятся мюзиклы, подтвердились, когда я увидела его подборку. Похоже, ему по вкусу те исполнители, о которых постоянно болтали школьные знатоки. «Кто-то все еще любит тебя, Борис Ельцин?». Не верилось, что возможно было так назвать группу, у которой имелись еще какие-либо поклонники, кроме Роджера. Так что моя

¹⁸ Бил-стрит (Beal-Street) – улица в Мемфисе, которую называют «родиной блюза», о ней, например, поется в песне Луи Армстронга Beal Street Blues.

¹⁹ Местная достопримечательность Мемфиса – утки, которые живут на крыше отеля «Пибоди» и купаются в фонтане в лобби отеля.

подборка Джейсона Роберта Брауна²⁰ и Элвиса вряд ли пришлась бы ему по вкусу. Да и к тому же я вообще больше не слушала Элвиса.

– Точно? – переспросил он.

– Все нормально.

Мне не хотелось, чтобы ему пришлось делать вид, как ему нравится моя музыка. Лучше просто продолжать слушать то, что он предложит. К тому же я обнаружила, что на самом деле многие песни мне нравятся.

– Может, хоть намекнешь, что тебе по вкусу? – спросил он.

Я пожала плечами, мечтая, чтобы этот допрос наконец прекратился.

– Мне все нравится.

Роджер покачал головой.

– Тоже мне отговорка, – сказал он. – Это значит, что на самом деле тебе не нравится ничего.

– Мне просто все равно, понятно? – огрызнулась я, и это прозвучало резче, чем хотелось.

Я уставилась в окно, тут же пожалев о своих словах. В последнее время такое случалось со мной часто – я раздражалась совершенно без причины. Вот почему было легче просто ни с кем не говорить.

– Ну ладно, – произнес он через некоторое время, – когда мы доберемся до цивилизации, я составлю новый плей-лист.

– Только без Элвиса, – сказала я, выглянув из окна.

– Ты не фанат Короля? – спросил Роджер, и я почувствовала, что он смотрит на меня.

Я пожала плечами, подтянула колени к груди, обхватив их руками, и продолжила созерцать проносящийся мимо пейзаж.

– Вроде того.

Два часа спустя мы уже направлялись к границе Невады, проехав через городки, окружавшие озеро Тахо. Когда примерно через час стало ясно, что цивилизация все еще не ждет нас за ближайшим углом, мы съехали на обочину, и Роджер сделал новый плей-лист. Хотя я знала, что Калифорния очень большая, до сих пор не понимала, насколько. Казалось невероятным, что мы все еще в том же штате. Какое-то время нам попадалось намного больше горных видов, скал, сосен и крутых поворотов. Но постепенно ландшафт становился плоским, и шоссе № 50 – извилистая двухполосная дорога, по которой мы ехали от Йосемити, – сменилось четырехполосным: по два ряда в каждую сторону.

Когда новый микс Роджера начал играть по второму кругу, он притормозил и съехал на обочину. Я взглянула на него, и он кивком указал вперед.

– Я думаю, нам нужно остановиться и отметить этот момент, – сказал он, указывая на что-то впереди. – Глянь-ка.

Я посмотрела и увидела низенький белый знак, на котором синими буквами было написано: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В НЕВАДУ». А ниже: «СЕРЕБРЯНЫЙ ШТАТ».

– Ух ты! – сказала я, пристально глядя на него.

– Мы покидаем Калифорнию. Как тебе это?

– Отлично, – я даже не задумалась над ответом.

²⁰ Джейсон Роберт Браун – американский композитор и драматург, автор музыки и текстов песен, самые известные мюзиклы – «Парад» и «Мосты округа Мэдисон».

Второй плей-лист Роджера

«Что значит: мы все еще в Калифорнии?», или «Очень длинная извилистая дорога», или «Баллада о пропавших темных очках Эми»

Название – исполнитель

Wine Red – The Hush Sound
Heartbeats – The Knife
16, Maybe Less – Calxico / Iron and Wine
Human – The Killers
West Coast Friendship – Owl City
Forest for the Trees – Alright Alright
Buildings and Mountains – The Republic Tigers
Transcontinental – Pedro the Lion
It Won't Be Long – The Smithereens
Drive-Away – The All-American Rejects
She's the One – Caribou
Next Exit – Interpol
We Are Lost – The Like
Get Back (Where we Started From) – Army Navy
Get Gotten – Ben Lee
Wandering – The Hidden Cameras
Can't Go Back Now – The Weeper

С того момента, как мы покинули Йосемити, мне здорово полегчало. Я перевернула свою калифорнийскую страницу, стараясь оставить позади все, что там произошло.

– Итак, – сказал Роджер, протянув руку на заднее сиденье и достав атлас, – мы знаем, по какой дороге ехать?

– Да, – ответила я, забрала у него атлас и открыла страницу с Невадой – внезапно она показалась мне пугающе большой. И мы пересекали ее в самой широкой части, а не через узкий перешеек, по которому проехали бы, выбрав южный путь. – Видишь ли, в чем дело. Только две федеральные трассы проходят через Неваду: Восьмидесятая – вверху, мимо Рино, и Пятнадцатая – внизу, мимо Вегаса.

– Мимо Вегаса? – спросил Роджер, разглядывая карту.

– Да. Та трасса, что идет через Рино, ближе к нам в данный момент, но она все-таки далеко и не по пути. Похоже, мы должны ехать через Солт-Лейк-Сити, хотя и он тоже довольно далеко.

– Так куда едем?

– Ну, – сказала я, ткнув пальцем в точку на карте, где мы находились. – Прямо сейчас мы на шоссе № 50. По нему доедем через Неваду в Юту. А потом через Юту, по местным дорогам, выберемся на Семидесятое шоссе.

– Неужели нет ни одной федеральной трассы, которая проходила бы посреди Невады? – спросил Роджер и уткнулся в карту. – Действительно нет.

– Думаю, это оптимальный вариант. – Всматриваясь в карту, я все больше убеждалась, что заезд в Йосемити был не лучшей идеей. Выбираться оттуда было сложно. Похоже, лишь немногие выезжали из Калифорнии через национальный парк.

– Как у нас со временем?

Это был дежурный вопрос, ведь мне и так было понятно, как сильно мы выбились из графика: в этот момент мы должны были уже приближаться к Талсе, а не выезжать из Калифорнии.

– Уверен, что нам удастся нагнать. И думаю, твоя мама поймет, если мы опоздаем на денек.

Я не была в этом так уверена, но кивнула.

– Так куда мы теперь направимся? – спросила я. – Йосемити выбрала я. А ты куда хочешь поехать?

Роджер на мгновение поднял взгляд на меня, а затем снова уставился в карту и перевернул ее на страницу с Колорадо.

– Похоже, если мы выедем на федеральное шоссе в Юте и будем ехать по нему через Колорадо, мы упремся в Колорадо-Спрингс.

– Будем совсем недалеко от него, – сказала я. На самом деле не близко, но не так уж и далеко. Я подняла взгляд на него, удивленная, что он хочет поехать куда-то, где уже бывал. – Так ты туда хочешь поехать?

– В этом есть смысл, – произнес Роджер, не глядя на меня и возясь с регулятором громкости на айпоне. – Остановимся мы там бесплатно. И я покажу тебе наш кампус, посмотрю, кто из моих друзей сейчас там... – последние слова он произнес очень быстро.

– Ладно, – согласилась я, перелистывая страницу обратно. – Не возражаю.

– Прекрасно, – произнес он с выражением невероятного облегчения. – Ну, по шоссе 50? – спросил он. – Да?

– Давай, – я кивнула, Роджер включил поворотник и снова вырулил на дорогу.

Два часа спустя мы вдруг поняли, что что-то не так. В какой-то момент шоссе превратилось из четырехполосного в двухполосное, по одной полосе в каждую сторону. Но само по себе это не было поводом для беспокойства, поскольку подобные узкие места часто встречались рядом с Йосемити. Правда, в отличие от таких мест, внезапно вокруг не стало... вообще ничего. Прямая линия шоссе тянулась до самого горизонта. Вдали виднелись горы, но большую часть пространства занимал огромный, открытый, пустынный ландшафт, который шоссе пересекало посередине. И больше ничего на километры вокруг. Трудно было поверить, что несколько часов назад меня окружали сосны.

Я видела, что Роджер напряженно выпрямился на сиденье, оглядываясь по сторонам. Здесь не было попросту *ничего*. Ни заправок, ни минимаркетов, ни кафе быстрого питания. И почти не встречались другие машины. Иногда кто-то ехал следом за нами, но потом неизбежно обгонял. На этом шоссе не нужна была полоса для обгона: дорога просматривалась на несколько миль вперед. Очень редко легковушка или фура проносились по встречке. За два часа мы увидели всего три машины.

– Послушай, – сказала я, когда от монотонного движения стало совсем уж невмоготу, – мне кажется или все это выглядит как-то странно?

– Очень, – подтвердил Роджер.

Он был озадачен, и только сейчас я поняла, какой он обычно жизнерадостный и беспечный.

– Может, нам развернуться? – у меня упало сердце, когда я подумала, что нам придется возвращаться по собственным следам, потерять еще два часа и в итоге так и не выехать на нужный маршрут.

– Не знаю, – ответил Роджер.

Теперь он полностью выпрямил спину, положил обе руки на руль и наморщил лоб. Некоторое время мы ехали молча, только плей-лист Роджера все играл. Наконец он сказал:

– Слушай, скоро мы должны добраться до города, да? И как только доберемся, проложим маршрут оттуда.

– Хорошо, – произнесла я, решив, что он, должно быть, прав.

Цивилизация не исчезла полностью. Рано или поздно нам попадется придорожный городок. Иначе и быть не может.

Через час мы въехали в город. Никогда раньше меня так не радовал вид заправочной станции. Это было небольшое местечко, две колонки и крошечный минимаркет. Мы заехали на заправку, и я расплатилась за бензин маминой картой. Заправившись, Роджер сказал мне то, что раньше говорить не хотел: на самом деле бензин уже заканчивался, и если бы нам не попался этот городок – Фэллон, штат Невада, – у нас были бы проблемы.

Когда бак наполнился, мы разошлись, чтобы привести себя в порядок, а потом встретились внутри крошечного минимаркета, который больше походил на частный дом. Но меня это не беспокоило. Я схватила крем-соду с застекленной витрины у задней стены, а затем, после некоторых колебаний, прихватила и рутбир. Роджер изучал отдел с чипсами, но я поймала его взгляд и, подняв брови, протянула ему содовую. Он кивнул и слегка улыбнулся мне. Я прошла мимо полки со сладостями, взяв с нее пачку Skittles и прихватив для Роджера пакет Reese's Pieces – скрепя сердце, потому что я терпеть не могла конфеты с арахисовым маслом. Еще схватила шоколадный батончик в красной обертке, на которой было написано «ПОСМОТРИ!». Это сработало, ведь я посмотрела и решила взять на пробу. Мы встретились с Роджером у кассы, где он выкладывал на прилавок пакет чипсов со вкусом барбекю. Я добавила свою охапку сладостей, и кассирша – стройная светловолосая женщина с немного обветренной кожей – пробила чек.

– Мы только что приехали, – сказал Роджер, пока она, тыкая в клавиши обратным концом карандаша, пробивала товар. – Тут довольно... пустынно.

– Конечно, – проговорила она, не поднимая глаз от кассы и продолжая тыкать в клавиши. – А чего ждали-то?

– Ну, – Роджер посмотрел на меня.

Я тоже не знала, что на это ответить, но все-таки влезла в разговор.

– Как-то странно, что мы не встретили ничего по пути сюда. Но дальше все будет по-другому?

Она посмотрела на Роджера, на меня, потом наружу – на машину.

– Из Калифорнии? – спросила она немного снисходительно, увидев номер машины.

Я кивнула.

– Подумать только, – удивилась она. – Дети, да вы хоть представляете себе, где находитесь?

– В Фэллоне? – неуверенно спросила я, надеясь, что она не имеет в виду название заправки, которое я уже забыла.

Она покачала головой.

– До Фэллона вам ехать еще примерно минуту.

Она пробила итоговую сумму: 13 долларов 11 центов. Я порылась в кармане, чтобы достать мамины наличные, и протянула ей двадцатку. Она вернула мне сдачу и сгребла нашу еду в пластиковый пакет.

– Но у вас еще много миль пути впереди, на которых почти ничего не встретишь, – она протянула мне пакет через прилавок. – Добро пожаловать на самую пустынную дорогу Америки.

Мы захлопнули дверцы машины, каждый со своей стороны, и посмотрели друг на друга.

– Ничего себе, – изумленно произнес Роджер.

– Ага, – согласилась я. Голос прозвучал так же нервно, как и его. Может быть, дело было в моем испуганном выражении лица, но женщина за прилавком немного смягчилась и рассказала нам, на какой дороге мы оказались. Она объяснила, что шоссе № 50 известно своей безлюдностью, и она поверить не может, что мы оказались на нем случайно. Дама велела нам всегда проверять уровень топлива в баке, поскольку городов по пути следования немного и расстояние между ними измеряется сотнями миль. Женщину звали Барб, она дала нам свой номер телефона и сказала, что ее зять работает в полиции штата, так что, если у нас будут проблемы с машиной, мы можем позвонить, и она ему сообщит. А потом пожелала счастливого пути.

Роджер вставил ключ в замок зажигания, но не стал заводить машину.

– Я не знаю, что делать, – сказал он и провел по лицу рукой. Он снова выглядел обеспокоенным. – То есть...

Он взглянул на меня. Я уже давно сняла солнцезащитные очки и сунула их в подстаканник, но сейчас как раз вертела их в руках. Роджер вздохнул.

– Твоя мама доверяет мне. Моя мама доверяет мне. И они обе ждут, что я провезу тебя через всю страну, быстро и безопасно. А теперь мы совершенно сбились с курса и оказались на самой грустной дороге страны...

– Самой пустынной, – поправила я, но Роджер продолжал.

– И я просто не знаю, как будет лучше. Может, нам вернуться и найти федеральное шоссе? Позвонить твоей маме и рассказать ей, где мы находимся? Потому что мне это все уже совершенно не нравится. Я думаю, может, мы нашли «дорогу в ад». Может, мы уже оказались в песне AC/DC.

Я посмотрела ему в глаза и тут же снова опустила взгляд.

– А ты как думаешь, что нам делать? – спросил он.

– Я... – Посмотрев на телефонный номер Барб, я подумала о дороге, на которую нас занесло, представив, как снова останемся наедине с ней. И, если верить Барб, надолго. До федерального шоссе в Юте нам ехать еще часов восемь. Но, к моему удивлению, это меня совершенно не беспокоило.

– Я думаю, нужно ехать дальше.

Роджер вздохнул и крепко сжал руль, а затем снова отпустил его.

– Просто подумай о времени, нет никакого смысла возвращаться назад, – продолжала я.

– А если с нами что-то случится, – спросил он. – Я не знаю, выдержу ли еще восемь часов такой монотонной езды. Умеешь ли ты менять шины? – Я покачала головой. – И я не умею. И что бы там ни говорила Барб, не хочу полагаться на ее зятя, если у нас на самом деле что-то случится с машиной, когда мы *в буквальном смысле* находимся в чистом поле, черт знает где.

– Но нам все равно придется ехать два часа назад, чтобы выбраться на федеральное шоссе, – возразила я. – А здесь ездят и другие люди кроме нас. Это же американское шоссе. Мы же не в какой-нибудь стране третьего мира.

– Нет, – сказал Роджер, заводя машину. – Но мы на самой депрессивной дороге в США.

– Самой пустынной, – поправила его я. – Это не одно и то же.

Он взглянул на меня.

– Так что мы решим? – спросил он.

И в первый раз с того момента, как началось это путешествие, я почувствовала, что *мы* что-то делаем вместе, принимаем решение и идем на риск.

Я кивнула.

– Едем.

Роджер едва заметно улыбнулся мне.

– Ну, тогда в путь, – сказал он, вырвав с заправки.

Я оглянулась и увидела, что Барб стоит в дверях и смотрит на нас. Повинуясь внезапному порыву, я помахала ей рукой, и она помахала в ответ. Я смотрела назад, на ее маленькую фигуру, пока она не исчезла из вида, когда мы завернули за угол.

Барб не соврала: Фэллон кончился так же быстро, как и начался. Все, что нам осталось, – дорожные знаки, которые предупреждали, что на сотни миль вперед не будет заправок и других услуг, и, чтобы убедиться, что мы готовы, я посмотрела на Роджера. Он нахмурился, прочитав это предупреждение, но продолжал ехать, и мы снова вернулись на шоссе № 50.

Мы ехали. Казалось, что время идет как-то иначе, когда не за что зацепиться взглядом, чтобы понять, сколько ты проехал и в каком направлении двигаешься. Я могла посмотреть на часы с мыслью, что прошел час, а оказывалось, что прошло только пять минут. Или я вдруг обращала внимание на часы на приборной панели и обнаруживала, что мы едем уже сорок пять минут, хотя готова была поклясться, что прошло только пятнадцать. Но теперь, когда стало понятно, чего ожидать от этой дороги, ехать было намного легче. Я успокоилась и расслабленно смотрела по сторонам.

Пейзаж за окном просто потрясал. Я могла охватить взглядом намного больше пространства, чем привыкла. Как будто кто-то открыл детскую книжку-раскладушку с объемными страницами, единственной фигуркой в которой была наша машина, а все остальное осталось абсолютно плоским. Светило солнце, но не настолько ярко, чтобы заставить меня щуриться, так что Роджер забрал себе солнцезащитные очки. Небо было чистым, светло-синим, на нем виднелось лишь несколько облаков, которые казались слишком живописными, чтобы быть реальными. Впереди просматривались горы – далеко, у самого горизонта, – и казалось, что мы совсем не приближаемся к ним. Но это меня не волновало. Мне даже начало казаться, что одиночество – это классно. На дороге не было видно ничего, кроме тени от нашей машины. Будто мы собираемся добраться куда-то, где никто не бывал, и увидеть то, что видели лишь немногие.

Через час у меня начала болеть пятая точка из-за постоянного сидения в одной позе, я скинула шлепанцы и расположилась, вытянув ноги на приборной панели. Я посмотрела на Роджера: не доставляет ли ему это дискомфорта? Непохоже. Он просто взглянул на меня, улыбнулся и снова сосредоточился на дороге. Круиз-контроль был включен, поэтому выглядело немного странным, что обе ноги Роджера просто ровно стоят на коврик, как будто машина сама едет к недостижимому горизонту. Я сползла еще немного ниже на сиденье и посмотрела в окно.

Мы неслись вперед. После маленького городка под названием Мидлгейт мы проехали мимо огромного тополя, на котором висели сотни – если не тысячи – ботинок, отбрасывавших тени на дорогу. Роджер сбросил скорость, чтобы рассмотреть его – это было несложно, учитывая, что за нами не было машин.

– Знаешь, я всегда хотел это сделать, – произнес Роджер, глядя на дерево.

– Ну так давай, – сказала я, созерцая это невероятно странное зрелище: кроссовки, ботинки, сапоги, связанные шнурками и переброшенные через ветки. Мы поехали еще медленнее, и я подумала, что Роджер остановится и все-таки осуществит задуманное, но он покачал головой. Пожалуй, это слишком расточительно.

Когда мы снова набирали скорость, я видела, как грустно он смотрел на дерево в зеркало заднего вида.

Через полчаса после дерева с ботинками я попросила Роджера остановиться на обочине, чтобы сделать несколько фото, и обнаружила, что не могу поймать в кадр весь пейзаж целиком. Так что я поворачивалась по кругу и щелкала в каждом направлении, решив, что это един-

ственный способ составить относительно точную картину всего, что нас окружало. Потом я опустила фотоаппарат и на мгновение замерла неподвижно, наслаждаясь тишиной. Я ожидала, что мне будет страшно – стоять на обочине безлюдного шоссе посреди пустыни, но страха не было. Я чувствовала себя до странности умиротворенно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.